

КРЕМЛЕВСКИЙ ДЕТЕКТИВ

*Сергей
Власов*

★
КРАСНАЯ
ПЛОЩАДЬ

Кремлевский детектив

Сергей Власов

**Кремлевский детектив.
Красная площадь**

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Власов С.

Кремлевский детектив. Красная площадь / С. Власов —
2014 — (Кремлевский детектив)

ISBN 978-985-18-3573-3

Агент-ликвидатор Федеральной службы безопасности РФ Клим Неверов старается не подвести своего куратора. Однако, пока поводырь не укажет ему, в кого стрелять, он – слепой... Он всего лишь машина для выполнения боевых задач. Неожиданные расследования Клина Неверова – новая страница в истории секретного подразделения «Слепой».

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3573-3

© Власов С., 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Власов

Кремлевский детектив. Красная площадь

Глава 1

Туча приползла откуда-то с юго-запада и добрых полдня угрожающе маячила в отдалении, незаметно для глаза надвигаясь, разрастаясь вширь и приобретая все более зловещую темно-фиолетовую окраску. Пока она была далеко, на нее мало кто обращал внимание – заслоненная домами и крышами, почти неразличимо сливающаяся с повисшим над центральными магистралями сизым маревом выхлопных газов, туча не бросалась в глаза. Лишь изредка истомленный жарой, облитый семью потоми, одуревший от рева тысяч перегретых двигателей и бензинового перегара, находящийся на грани нервного срыва водитель, застрявший в пробке где-нибудь на Кутузовском, вперив мученический взгляд в далекий светофор, замечал, что фоном этому светофору служит не голубовато-сизая мутная дымка, заменяющая москвичам дневное небо, а наливающаяся угрожающей чернотой стена. Прохлада, которую обещал надвигающийся ливень, мимолетно радовала; перспектива гнать забрызганную грязью машину на мойку уже не так огорчала да и вообще забывалась, когда наступало время продвинуться вперед на метр-другой, осторожно отпустив педаль сцепления.

А туча не спешила. Она была полна нерастраченных сил и самых серьезных намерений, и ей было решительно некуда торопиться. Размерами своими она значительно превосходила даже тот гигантский город, на который сейчас напознала и который, как всегда, старательно делал вид, будто ему нет никакого дела до погодных аномалий. Туча и впрямь была равнодушна к тому, куда именно упадет любая из миллиардов исторгнутых ею капель; ей было решительно все равно, поливать водой президента со всей его охраной, роющегося в помойке бомжа или невзрачного, неброско одетого человека в темной спортивной куртке, который, взобравшись на крышу, занял огневую позицию за вентиляционной трубой.

В руках у него была не слишком современная, но проверенная и надежная снайперская винтовка системы Драгунова с мощным оптическим прицелом и длинным глушителем заводского производства, на носу поблескивали солнцезащитные очки в пластмассовой оправе, которая вышла из моды года два, а то и три назад. Вылинявшее кепи старого армейского образца было низко надвинуто на лоб, так что оставалось только гадать, лыс стрелок, лохмат или щеголяет модельной прической. Видневшиеся из-под кепи темные волосы были обильно сбрызнуты сединой, загорелое скуластое лицо было открытым и располагающим; на левом плече, надежно скрытая рукавом спортивной куртки, синела татуировка, в которой, помимо раскрытых парашютов, распахнутых крыльев и скрещенных автоматов Калашникова, можно было без труда разглядеть затейливо переплетенные надписи «ДРА» и «ДШБ».

Раскалившееся на солнце кровельное железо прогибалось под ногами и гроыхало, как раскаты далекой грозы. Присев на корточки за вентиляционной трубой и снимая с винтовки линялый брезентовый чехол, в каких бывалые рыбаки возят удочки (не современные трех-, а то и пятиколенные телескопы из прочного стеклопластика, а старомодные разъемные бамбуковые удилица с потемневшими от времени железными или даже медными соединительными кольцами), стрелок озабоченно покосился на тучу, которая вплотную подползла к юго-западной границе центра и, освещенная яркими лучами послеполуденного солнца, являла собой весьма внушительное зрелище. В отличие от большинства москвичей, которые под надвигающимся ливнем рисковали разве что промокнуть, стрелок был по-настоящему озабочен: дождь мог помешать ему выполнить боевую задачу.

Присоединяя к «драгуновке» магазин, стрелок думал о том, сколько таких же, как он, виртуозов винтовки в свое время выходило на гулкие, прокаленные солнцем московские крыши. Было очень легко представить себе, что прямо в эту секунду десятки профессионалов подстерегают свои жертвы, затаившись на чердаках, за вентиляционными трубами и кирпичными брандмауэрами. Впрочем, несмотря на то, что уже полтора десятка лет он состоял на учете в психоневрологическом диспансере, ветеран полузабытой войны хорошо понимал: времена переменялись, и дорогу в бизнесе теперь расчищают не стволами и кулаками, а деньгами и связями. А если все это оказывается бессильным и возникает острая нужда кого-либо физически устранить, на дело, как правило, идет не профессиональный стрелок, а какой-нибудь отморозок с «пимкой», а то и со взрывоопасной китайской «гэтэшкой» в руке – подстерегает жертву у подъезда, всаживает в нее почти всю обойму, бросает ствол в кусты и убегает...

Впрочем, обо всем этом стрелок подумал мимоходом и без какой-либо горечи, ибо вовсе не являлся профессиональным киллером. Проблемы наемных убийц его не беспокоили; что же до тех, в кого упомянутые наемники время от времени более или менее метко стреляли, то в отношении их обладатель линялого чехла для удочек и афганской татуировки рассуждал очень просто: чем меньше на свете останется этой сволочи, тем лучше. Он уже давненько ни в кого не стрелял, и сейчас его по-настоящему волновало только одно: не оплашать бы с непривычки.

Когда затвор винтовки с привычным лязгом стал на место, дослав в патронник любовно начищенный до блеска патрон, последние сомнения улетучились. Винтовка лежала в руках ладно, удобно и правильно – так, что казалась неотъемлемой частью организма, – и попасть из нее в цель с любого разумного расстояния казалось не труднее, чем ткнуть стоящего напротив человека указательным пальцем в лоб. Немногочисленные и притом весьма слабые сомнения в необходимости задуманного улетучились тоже; стрелок преисполнился такой же спокойной, несокрушимой уверенности, как и туча, что напознала на центр с юго-запада.

Ее фронт уже накрыл собою одну из кривых, вечно запруженных транспортом центральных улиц. Черно-фиолетовое, громыхающее и с угрозой поблескивающее молниями ядро тучи было еще довольно далеко, но небо над головой уже посерело, и на сухой пыльный асфальт упали, расплывшись темными звездочками, первые капли дождя. В это самое время в тесном внутреннем дворике, зажатом между такими же тесными, обнесенными глухими бетонными заборами и кирпичными стенами двориками китайского ресторана и магазина модной одежды, с негромким, солидным рокотом поднялись пластинчатые ворота гаража. Из ворот, едва слышно шелестя соответствующим экологическим стандартам двигателем и лаково поблескивая угольно-черными бортами, выкатился новенький седан «шевроле» – скромная по московским меркам, неброская и в то же время скоростная и комфортабельная машина с вместительным багажником.

В уютном салоне со всеми удобствами разместились трое крепких, далеко не старых мужчин в деловых костюмах, которые у всех троих одинаково топорщились слева под мышкой. Судя по тому, как машина проседала на задний мост, вместительный багажник вмещал в себя нечто куда более объемное и увесистое, чем запасное колесо.

Водитель нажатием клавиши опустил стекло слева от себя; одетый в серую униформу охранник у ворот, обменявшись с ним понимающим взглядом, в свою очередь нажал кнопку, и глухая металлическая пластина с электрическим жужжанием и тяжким рокотом поползла влево, открывая выезд на улицу.

На покатое ветровое стекло упало несколько капель; включив правый поворот, водитель щелкнул расположенным на рулевой колонке рычажком, и «дворники» с тихим шорохом смахнули со стекла досадную помеху.

– Дождик начинается, – констатировал сидевший справа от водителя коренастый брюнет, у которого темный ежик волос начинал расти едва не от самых бровей, а об мощный загривок, казалось, можно было согнуть лом.

Водитель, длинный сутулый тип с льяными волосами, бесцветными глазами и утиным носом, в ответ лишь безразлично дернул гладко выбритой щекой и нажал клавишу стеклоподъемника, закрывая окно.

– Опять везем, – вздохнул брюнет, явно имевший склонность к констатации фактов, и без него хорошо известных окружающим. – Возим и возим! Сколько уже перетаскали – это же подумать страшно! И – как в бездонную бочку. И куда только влезает, а?

– А ты сам у них спроси, – посоветовал молчаливый водитель. – Так и скажи: куда, мол, у вас влезает? Они люди негордые, ответят. И притом исчерпывающе. Переспрашивать, по крайней мере, точно не захочется.

– Шуточки у тебя, – проворчал брюнет, глядя, как справа от него за уже забрызганным дождевыми каплями тонированным оконным стеклом неторопливо проплывает парадное крыльцо с броской, утыканной яркими лампочками вывеской. «Казино “Бубновый валет”», – гласила надпись на вывеске.

– Заткнитесь и занимайтесь своим делом, – не терпящим возражений тоном произнес человек, расположившийся на заднем сиденье «шевроле».

На вид он был лет на десять старше своих спутников, а его строгий деловой костюм мог многое рассказать опытному глазу о его доходах и привычках. Одного взгляда хватало, чтобы понять: называя костюмы от Пьера Кардена дешевой, он знает, что говорит. К его сухому костистому лицу будто навек прикипело выражение брезгливой скуки. Аккуратно подстриженные английские усики нависали над торчавшей из почти беззубого рта тонкой коричневой сигарой, которую никто и никогда не видел зажженной. Галстук ему заменял кокетливо повязанный шелковый шейный платок золотисто-табачного цвета, и даже характерное вздутие слева под мышкой, где серьезные люди обыкновенно носят наплечную кобуру, у него выглядело не неизбежным злом, а данью последней, недоступной пониманию простых смертных моде. Словом, он слишком сильно смахивал на большого воротилу, чтобы являться таковым на самом деле. И верно: ответственность на нем лежала огромная, вел он себя так, словно денно и нощно держал на своих плечах небо, не давая ему рухнуть на землю, но на деле в платежной ведомости казино «Бубновый валет» напротив его фамилии значилась скромная должность «менеджер». Менеджеры, конечно, бывают разные; одни следят за тем, чтобы покупатели не входили в торговый зал без инвентарных корзинок, а другие открывают ногой двери, расположенные по обеим сторонам бесконечных кремлевских коридоров. Человек с сигарой слишком дорожил своей обувью, чтобы пинать ею дверные филенки, но это было, пожалуй, единственное, что его сдерживало; в остальном же он испытывал к обитателям кремлевских коридоров не больше пиетета, чем к двоим костоломам, что ныне делили с ним узкое пространство автомобильного салона.

Человек с сигарой звался менеджером, но тот, кто назвал бы его фокусником или даже волшебником, оказался бы намного ближе к истине, чем составлявший платежную ведомость бухгалтер. Владелец несгораемой сигары и шелкового шейного платка за свою жизнь освоил всего один фокус, зато фокус этот удавался ему отменно, и сегодня настало время продемонстрировать этот фокус в очередной раз.

Собственно, фокус был нехитрый, и на месте человека с сигарой запросто мог оказаться кто-то другой – например, человек с трубкой, человек с зубочисткой или вот этот бритоголовый, не в меру общительный брюнет с переднего сиденья. Но тут уж, извините, кто смел, тот и съел. Да, на свете существуют прекрасно оплачиваемые работы, справиться с которыми может любой дурак. Например, работа президента, спикера парламента или старшего менеджера казино «Бубновый валет». Но пусть-ка упомянутый дурак попробует такой работы добиться! Парадокс? Ничего подобного! В конце концов, ум и высшее образование для того и нужны, чтобы получать как можно больше, работая как можно меньше. А брюнет с чугунным загривком пускай продолжает ездить на переднем сиденье (тем паче что ему там ездить очень нра-

вится) и получать деньги за то, что заслоняет своей твердокаменной тушей от пуль тех, кто действительно чего-то стоит в этой жизни...

Черный «шевроле» миновал нерегулируемый перекресток. Утконосый водитель привычно скользнул равнодушным взглядом по желтому квадрату знака «Главная дорога» и потрепанному синему грузовому микроавтобусу, что, моргая оранжевым указателем поворота, стоял на выезде из переулка. Сзади послышался возмущенный рык пришпоренного дизельного движка. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, водитель заметил, как синий микроавтобус с рискованной наглостью, давно вошедшей в кровь и плоть любого московского водителя, вывернулся из переулка и вклинился в плотный поток движения через одну машину от черного «шевроле». Сквозь рябое от дождя стекло было видно, что микроавтобусом управляет дебелый рыжий мужик лет сорока, одетый в белоголубой десантный тельник без рукавов. На мощных, основательно заросших жиром бицепсах синели какие-то татуировки; красное кепи с длинным козырьком было надвинуто до самых бровей, поверх козырька поблескивали темными стеклами сделавшиеся ненужными с приходом тучи солнцезащитные очки. Водитель микроавтобуса курил, выставив в окошко голый локоть и время от времени стряхивая наружу пепел с полным пренебрежением к действующему административному кодексу, косо глядящему на засорение дорог общего пользования.

– Зонт от солнца по-сербски будет «солнцебрана», – неожиданно для себя самого ударившись в воспоминания о давней поездке к теплему морю в разоренную натовскими миротворцами братскую славянскую страну, сообщил утконосый водитель «шевроле» своему напарнику. – А парашют знаешь как будет? Падобрана! В смысле, обороняет от падения.

– Чудно, – хмыкнул брюнет с переднего сиденья. – Чего только люди не сочинят! Падобрана...

– Зато сразу понятно, что к чему, – вступился за сербов водитель. – И слова все свои, родные, а не надерганные откуда попало... Как перевести на русский язык «парашют»? Не знаешь? И никто не знает, потому что слова такого мы не придумали, поленились. А вот сербы не поленились, и им в своем языке все понятно. Надо тебе зад свой от падения уберечь – бери падобрану...

– А мы с тобой, стало быть, «падлобрана», – миролюбиво предположил брюнет, не любивший пустых теоретических споров и старавшийся свести их к какой-нибудь более или менее плоской остроте. – Обороняем, стало быть, хозяйское добро от всякой падлы...

– Соображаешь, – хмыкнул водитель, отдавая должное лингвистическим способностям приятеля. – Так оно в натуре и есть.

Под неодобрительное молчание человека с сигарой он, едва притормозив, бросил послушную иномарку в полукруглое жерло подворотни и погнал ее бесконечными дворами-колодцами, где на веревках мокло вывешенное какими-то ротозеями белье, а из-под колес с возмущенными воплями шарахались облезлые бродячие коты. Это был заповедник давно минувших времен, каким-то чудом уцелевший в самом сердце гигантского современного мегаполиса. Помимо облезлых котов, тут водились ядовитые старухи с кошелками и алюминевыми молочными бидончиками, а также вздорные старики с палочками, чьи засаленные и обвисшие, купленные в середине прошлого века пиджаки были густо увешаны потемневшими орденскими планками. Место здесь было глухое, странное и где-то даже страшноватое, но по дороге в банк утконосый водитель неизменно сворачивал сюда, ибо такой маневр позволял объехать преизрядных размеров пробку, что в это время дня обычно намертво закупоривала ближайший перекресток.

Человек на заднем сиденье вынул изо рта сигару и с неодобрительным видом обнюхал ее. Ему хотелось сказать, что в их деле привычки хорошими не бывают и до добра не доводят – кроме, естественно, привычки держать ухо востро, – но он промолчал: во-первых, потому что не хотел вступать в полемику с быдлом, а во-вторых, потому что получасовое стояние в

пробке ему вовсе не улыбалось и было, пожалуй, куда более опасным, чем этот предсказуемый и оттого рискованный рывок через проходные дворы.

Впрочем, водитель и сам знал, что сильно рискует, раз за разом следуя одной и той же дорогой. Поэтому, прокладывая извилистый путь через многочисленные арки, мимо помоек и веревок с мокнущим бельем, он смотрел не столько вперед, на дорогу, сколько назад, в зеркало. Там, в зеркале, неотступно маячил, то скрываясь из вида за очередным сырым, облупленным углом, то снова возникая во всей своей неприглядной красе, давешний синий микроавтобус.

– Привязался, сука, – сквозь зубы констатировал водитель и, вынув из кармана пачку, зубами вытянул из нее сигарету.

Его коренастый напарник, перекутившись на сиденье, посмотрел назад.

– Не ты один такой умный, что в пробках стоять не любишь, – заметил он, давая коллеге прикурить. – И не ты один, заметь, вырос в центре Москвы. Расслабься. Что он нам сделает, этот сундук? Забежит вперед и загородит дорогу?

Водитель, крайне редко позволявший кому-либо забежать вперед себя, в ответ лишь пренебрежительно хмыкнул и чуть-чуть, на два пальца, опустил оконное стекло. Сигаретный дым, вытягиваясь плоской лентой, потек в щель; снаружи, будто в ответ, в салон залетело несколько капелек дождевой воды. Впереди уже маячило темное жерло последней перед выездом на улицу арки, в конце которой брезжил серенький ненастный день. Резкий порыв ветра взметнул над испещренной рытвинами мостовой обрывки бумаги и куски грязной полиэтиленовой пленки. Над побитой ржавчиной двускатной крышей восьмизэтажного дома показался рваный черно-фиолетовый край грозовой тучи, похожий на расплывающееся в мутной воде содержимое чернильницы. В разом потемневшем небе сверкнула молния; трескучий раскат грома был таким сильным, что машина ощутимо присела на амортизаторах.

Коренастый брюнет повернул голову и открыл рот, намереваясь осведомиться у водителя, зачем тому понадобилось так шумно портить воздух. Шутка застыла у него на губах, когда он увидел, как его напарник падает простреленной головой на руль. В ветровом стекле напротив его лица красовалась аккуратная круглая дырка, в которую задувал тугой прохладный сквозняк. Подголовник сиденья и стекло бокового окна были густо забрызганы кровью и беловатыми, отвратительными на вид комками. Еще ничего толком не поняв, но чувствуя, что его сейчас стошнит, брюнет рефлекторно схватился левой рукой за испачканный кровью руль в отчаянной попытке предотвратить неизбежное столкновение.

Увы, было поздно. Потерявший управление «шевроле» на приличной скорости въехал бампером в угол дома. Очередной раскат грома заглушил лязг, скрежет и звон стекла, с которыми перед дорогой иномарки превратился в груды хлама. Подушки безопасности сработали с негромким хлопком, припечатав к спинкам сидений убитого водителя и его утратившего связь с реальностью коллегу.

В следующее мгновение хлынул настоящий дождь, затянув происходящее зыбкой серой пеленой. На искореженном, курящемся горячим паром капоте, на лаковой крыше, на корявом асфальте и ржавых жестяных крышках мусорных баков заплясали фонтанчики водяных брызг. Сквозь ровный шум дождя и несмолкающие громовые раскаты до сидевших в салоне разбитой иномарки людей едва донеслось хриплое клокотание подъехавшего и остановившегося рядом синего грузового микроавтобуса.

Засевший за вентиляционной трубой стрелок аккуратно упаковал винтовку в чехол от удочки и забросил чехол за спину. Подбирать гильзу, которая, скатившись по мокрому железу крыши, упала в бурлящий и пенящийся водосточный желоб, он не стал. Поправив на голове армейское кепи, с козырька которого капало, как со стрехи деревенского дома, снайпер осторожно, чтобы не поскользнуться, добрался до слухового окна и нырнул в сухой, пахнущий пылью и голубиным пометом полумрак чердака. Винтовка все еще оставалась при нем; профессионалы так не поступают, но человек с красноречивой татуировкой на левом плече и не

пытался сойти за такового. Бросать доброе оружие, которое прошло с ним всю войну, а после долгие годы дожидалось своего часа в тайнике на даче, он не собирался; кроме того, его работа еще не завершилась, и винтовка должна была сослужить ему еще одну службу.

Выйдя из подъезда, он нырнул в темный туннель подворотни. Вскоре там с громовым треском завелся и ровно затарахтел мотоциклетный движок. А еще мгновение спустя из подворотни выкатилась старенькая вишневая «Ява» с облезлыми никелированными накладками на бензобаке и выданным еще в перестроечные времена номерным знаком. Верхом на «Яве» сидел с головы до ног укутанный в мокрый прорезиненный брезент старой офицерской плащ-накидки водитель в смешном старомодном шлеме и забрызганных дождевой водой очках-консервах. Под накидкой угадывался тощий рюкзак, к багажнику была привязана удочка в потрепанном и линялом брезентовом чехле.

Волоча по мокрому асфальту шлейф сизого дыма, отчаянно тарахтя и тускло поблескивая включенной фарой, древний мотоцикл вывернул на улицу и, газанув, скрылся за пеленой дождя.

* * *

Дело, как им и обещал по телефону оставшийся неизвестным заказчик, оказалось пустяковым. В строгом соответствии с полученной информацией черный «шевроле» в точно указанное время, буквально минута в минуту, прокатился мимо места, где они его поджидали, а потом свернул в ту самую подворотню, которая была аккуратно помечена крестиком на полученном ими подробном (какого не купишь ни за какие деньги ни в одном книжном магазине) плане московского центра.

В месте, которое, опять же, было указано заранее, лакированный «шеви» вдруг ни с того ни с сего потерял управление и на скорости около сорока километров въехал своей любовно отполированной заграничной мордой в покрытый облупившейся штукатуркой, разрисованный похабными картинками и надписями угол ветхой сталинской восьмизэтажки. Ощущение было такое, будто смотришь фильм, сюжет которого тебе подробно пересказал какой-то доброт; в подробном плане, полученном по электронной почте, был упомянут даже хлынувший прямо в момент аварии ливень – о нем, помнится, было сказано: «Не исключена возможность обильных осадков». Вдавливая в пол тугую тормозную педаль старого грузопассажирского «мерина», Ржавый снова подивился предусмотрительности и осведомленности неизвестного заказчика. Эта осведомленность наводила на мысль о близости телефонного анонима к престолу самого Господа Бога; успокаивало лишь то, что, имея заказчик нимб над головой и крылья за плечами, ему незачем было бы прибегать к услугам Ржавого, Кожи и остальных.

Пацаны, странно смотревшиеся в одинаковых черных куртках с броской надписью «ФСБ» поперек спины, выкатились под дождь со сноровкой, которая сделала бы честь даже настоящим спецназовцам. Два «узи» и «ингрэм», все с самодельными, но эффективными глушителями застучали, как швейные машинки, пытающиеся сшить смокинг из автомобильных покрышек; от черного «шеви» во все стороны полетели стеклянные брызги, куски пластика и бледные, хорошо заметные на фоне рушащейся с неба воды искры. Все было кончено в считанные секунды, задолго до того, как опустели магазины штурмовых пистолетов; сопротивления, о возможности которого предупредил осторожный заказчик, так и не последовало.

Убедившись, что все три пассажира черного «шевроле» перешли в состояние полного покоя и пребудут в этом состоянии навеки, хладнокровный и не чуждый рисовки Лещ выпустил короткую очередь по багажнику. Искры брызнули густым снопом; по борту микроавтобуса, заставив сидевшего за рулем Ржавого испуганно вздрогнуть и отпустить короткое непечатное словцо, звонко щелкнул случайный рикошет. Крышка багажника послушно, как в кино, отскочила (Ржавый при этом подумал, что стрелять по замку не было никакой необходимости –

там, в салоне, под сиденьем водителя, есть такой рычажок, который позволяет открыть багажник без пальбы и иного насилия), и пацаны, почти неотличимые друг от друга в своих черных куртках и мокрых трикотажных масках, принялись перебрасывать в «мерседес» пятнистые от дождя брезентовые мешки. Мешки имели прямоугольные очертания и тяжело ухали, падая на голый железный пол; багажник «шеви» был набит ими под завязку, так что Ржавый только диву давался: и как эти москали ухитрились захлопнуть крышку?

Как только неповоротливый Рыло забросил в кузов последний мешок и запрыгнул следом, Ржавый (в полном соответствии с полученной инструкцией, черт бы ее побрал со всеми потрохами) рванул ленивый дизельный драндулет с места, направив его в жерло той самой арки, в которую не сумел вписаться водитель «шевроле». Длинный и худой как жердь Кожа, протиснувшись между спинками сидений, уселся рядом, с отвращением содрал с носатой физиономии спецназовскую маску и, вывернув шею, зачем-то посмотрел вверх, на крышу дома. Из этого, естественно, ничего не вышло, поскольку они уже нырнули в арку, но Кожа был самым головастым и никогда ничего не делал просто так. Поэтому Ржавый счел необходимым спросить:

– Ты чего, браток?

– На крыше он, сука, – сквозь зубы сообщил Кожа и, отхаркнувшись, смачно плюнул в закрытое окно.

Грязное стекло от этого чище не стало.

– Какая такая сука? – спросил Ржавый и поскреб ногтями зудящую татуировку.

Сделанная классической жженкой наколка на его мясистом левом плече изображала полуголую грудастую девицу с двумя «кольтами» сорок пятого калибра на изготовку. Девица вышла косоглазой и имела разновеликие груди; кроме того, она, как настоящая привокзальная шлюха, регулярно покрывалась какой-то дико зудящей сыпью, что заставляло даже легкомысленного Ржавого задумываться, не добавил ли недавно откинувшийся с зоны «кольщик» к классическому рецепту жженки чего-нибудь от себя – триппера, например, чесотки, сифилиса или, боже сохрани, СПИДа. А что? Непременным ингредиентом жженки является моча, которая, как и кровь, превосходно переносит из одного организма в другой любую заразу... «Надо бы сходить провериться», – уже далеко не впервые подумал Ржавый, точно зная, что никуда не пойдет, пока без всяких анализов не станет ясно, что дело дрянь.

– Снайпер, – ответил на его вопрос Кожа и мокрой спецназовской маской стер плевки с окна. Маску он бросил под ноги. – Водилу снайпер мочканул, зуб даю. С крыши или, может, из окна... В лобовике дыра, в башке дыра...

– Чистая работа, – авторитетно подтвердил Рыло, который, согнувшись в низковатом кузове и цепляясь руками за спинки сидений, стоял позади них.

Хладнокровный Лещ промолчал. Он сидел на сваленных в разъезжающуюся кучу мешках и что-то делал с одним из них – судя по блеску любовно отточенного лезвия, который Ржавый краем глаза уловил в зеркале заднего вида, препарировал на предмет установления содержимого.

Ржавый аккуратно притормозил перед выездом на оживленную улицу, повертел головой из стороны в сторону и бросил машину в первый же наметившийся в плотном транспортном потоке просвет. Позади возмущенно засигналили; Ржавый пренебрежительно выругался и повернулся к Коже:

– И что?..

– Не нравится мне это, – глядя перед собой на дорогу, сообщил Кожа. – Про снайпера базара не было...

– И что? – стараясь успокоить не столько его, сколько себя, с напором повторил Ржавый. – Нам никто докладывать не обязан. Ну снайпер... Зато тачка стала в нужное время и в нужном месте...

– Баксы, – неожиданно донесся из глубины железного кузова изумленный голос Леща. – Бля буду, пацаны, полные мешки зеленых вражеских тугриков! И все – сторублевками... На глаз лимона два наберется, век воли не видать.

Забыв о зеркале, Ржавый повернул голову назад и увидел Леща, который, широко расставив ноги, сидел прямо на подпрыгивающем железном полу и держал в каждой руке по увесистому бумажному бруску. Бруски имели характерный серовато-зеленый оттенок, и даже в полумраке кузова было заметно, что обычно невозмутимая физиономия Леща приобрела примерно тот же цвет, а в придачу к цвету – совершенно обалделое выражение, как будто его только что сильно хлопнули по голове пыльным мешком.

– Липа? – предположил Ржавый и, повинувшись короткому толчку локтем, вновь сосредоточил внимание на дороге.

– Не похоже, – пошуршав извлеченной из пачки купюрой, с сомнением ответил Лещ. – Если даже липа, то экстра-класса... Да нет, меня не проведешь, я левые баксы за версту носом чую. Настоящие, братва!

– Опаньки! – обрадовался туповатый Рыло.

На него никто не обратил внимания.

– Вот так, – негромко сказал, обращаясь к Ржавому, Кожа. – Сначала снайпер, теперь это... Тебе не кажется, братан, что мы слишком многого не знаем? Два лимона – не шутка. Это многое меняет. Нам на четверых обещали двадцать тонн зелены. Сколько это – один процент?

– Есть предложения? – быстро спросил Ржавый, который, несмотря на внешность типичного провинциального быка, тоже неплохо соображал.

– Были бы, если бы не снайпер, – задумчиво проговорил Кожа.

– А что – снайпер? – встрял неугомонный Рыло. – Он где остался, а мы – вон где... Ищи нас свищи!

– По сторонам оглядись, баран, – посоветовал Кожа. – Что видишь?

Рыло послушно завертел из стороны в сторону толстой, скверно выбритой мордой.

– Улицу, – сообщил он. – Дома...

– Ночь, улица, фонарь, аптека, – с тоской проговорил начитанный Кожа. – А на улице что?

– Ну, машины...

– Правильно, машины. А в машинах?

– Лохи московские...

– А ты что, документы у всех успел проверить? И везде так и написано: «лох»? А вдруг вот этот, этот, этот и еще вон тот, – длинный костлявый палец Кожи поочередно указал на машины, которые двигались в транспортном потоке спереди, сзади и по обеим сторонам синего микроавтобуса, – никакие не лохи, а реальные пацаны, которые нас ведут? Подумай хоть раз своей тупой башкой! У нас в кузове два миллиона. Зачем отдавать нам даже один процент, если пара рожков к «калашу» или один выстрел к «мухе» обойдутся намного дешевле?

Такая перспектива заставила забеспокоиться даже толстокожего Рыло. Каким-то чудом удержавшись от очередного глупого вопроса, он извлек из-за спины все еще покрытый мелкими капельками воды «ингрэм», сменил магазин и деловито передернул затвор.

– Вот это правильно, – не оборачиваясь, одобрил его предусмотрительность Кожа. – Только шмалять погоди.

Он тоже сменил обойму в «узи»; судя по донесшимся из глубины кузова звукам, Лещ последовал его примеру, а сидевший за рулем Ржавый, которому сегодня так и не довелось пострелять, просто проверил, легко ли вынимается засунутый сзади за пояс джинсов семнадцатизарядный «глок».

– Что делать будем? – спросил он у Кожи, отлично понимая, что все эти военные приготовления ничего не изменят, если заказчик и впрямь вздумает устроить на них засаду.

– Пока – по плану, – недовольно грызя нижнюю губу, отрывисто ответил Кожа. – Деваться все равно некуда. Тачка засвеченная, стволы мокрые, и неизвестно, какие еще сюрпризы приготовила для нас эта тварь из телефона... О! – изумленно и, как показалось Ржавому, испуганно воскликнул он, услышав пиликанье мобильного телефона. – Кажется, легок на помине... Слушаю! Да, в порядке...

Краем уха слушая, как Кожа говорит по телефону, Ржавый мучительно искал выход из сложившейся неприятной ситуации. Видимо, смекалистый и скептический Кожа был прав с самого начала, говоря, что не следует браться за это сомнительное дело. Какие-то анонимные звонки по телефону, какие-то искусственные, электронные голоса, нашептывающие в уши соблазнительные вещи, странные, туманные письма, приходящие по электронной почте, – все это и впрямь казалось очень подозрительным.

А с другой стороны – ну что тут такого? Две трети заказчиков (те, которые менее опытни и более глупы) сыплются сразу же, как только от чисто теоретических размышлений – дескать, было бы очень даже неплохо, если бы тетя Соня или, скажем, дедушка Петя вдруг приказали долго жить, – переходят к конкретным действиям в желаемом направлении. Первым делом эти горе-заказчики набредают на знакомого алкаша, про которого точно знают, что он сидел, и просят свести с нужным человеком, по наивности своей даже не подозревая, что их знакомый сиделец пьет в основном, на деньги, полученные от своего куратора – опера из ментовки. Так что «нужным человеком» в девяноста пяти процентах подобных случаев оказывается все тот же опер, который весьма рад случаю без каких-либо усилий и даже с некоторым артистизмом упечь за решетку очередного дурака...

Посему умный человек, у которого нет прочных связей в уголовном мире, но есть острая нужда в услугах квалифицированных исполнителей, вынужден проявлять предельную осторожность и шифроваться всеми мыслимыми и немыслимыми способами. В наш просвещенный век сделать это помогает электроника, и это нормально – по крайней мере, более нормально, чем навешивание на себя накладных бород и составление подметных писем из букв, вырезанных ножницами из журнала «Работница» и наклеенных силикатным клеем на листок из школьной тетради...

И вообще, в таких делах секретность лишней не бывает. Предположим, их замели бы на месте преступления. Да, ограбление; да, мокруха. Ехали мимо, увидели аварию и не удержались – решили пощипать богатую тачку. Ну, сажайте, раз виноваты! Зато заказчика, которого в глаза не видели, они не смогут выдать даже под пыткой. Заказчику, конечно, хорошо, но ведь и им неплохо! Предварительного сговора нет, заказного преступления нет, а есть, если попадетс грамотный адвокат и сговорчивый судья, простое убийство по неосторожности...

Ну, это уже, положим, фантастика. И все-таки заказчика понять можно: на что ему лишние проблемы? А дело, между прочим, было выгодное. По пять тысяч долларов на брата за шестьдесят секунд не шибко обременительной работы – это что, плохо? Мало это? Ну, так пойд и заработай больше, если такой умный.

Но, с другой стороны, Кожа прав: два миллиона баксов – это более чем серьезно. Своего первого человека Ржавый еще по малолетке завалил по пьяному делу из-за смехотворного долга в пять советских рублей, о котором убитый якобы забыл. Память ему Ржавый освежил обломком кирпича и, между прочим, ни разу с тех пор о том не пожалел. Пять рублей! А тут – два миллиона баксов... За такие бабки не то что убьют – живым в асфальт закатают при большом скоплении зевак!

– Хорошо, – говорил между тем Кожа в телефонную трубку. – Что? Нет, командир, верят в церкви, а мы – деловые люди. Просто имей в виду, что у нас здесь канистра бензина. И если нам что-то вдруг не понравится, хоть один из нас да успеет перевернуть ее над этими мешками и чиркнуть зажигалкой...

Ржавый бросил на него короткий одобрителный взгляд. Да, голова у Кожи работала, как и раньше, на все сто. Это, наверное, был единственный способ обеспечить себе относительную безопасность: дать заказчику понять, что его денежки целы, пока все спокойно. Какой смысл убивать исполнителей, если вместе с ними пропадет вся добыча от тщательно спланированной операции? Не проще ли пожертвовать одним-единственным процентом от гигантской суммы?

Кожа прервал соединение и завозился на сиденье, заталкивая мобильник в узкий карман джинсов. Ржавый снова посмотрел на него, на этот раз вопросительно.

– Пока по плану, – ответил на его невысказанный вопрос головастый Кожа. – А там поглядим...

Ржавый понимающе кивнул. Да, вырвавшись из города, можно немного изменить планы, свернуть в другую сторону и, затерявшись на бескрайних российских просторах, поторговаться с этим телефонным умником. А почему, собственно, всего один процент? А может быть, два? Или десять, или, чем черт не шутит, пятьдесят? А будешь умничать, вообще ничего не получишь...

Он рефлекторно вел машину по заранее намеченному, тщательно изученному маршруту, которым на протяжении последней недели проехал не менее тридцати раз. В нужный момент он притормозил и, включив указатель поворота, свернул во двор. Его не ко времени разыгравшееся воображение на какой-то миг заполонила фантастическая картина: они въезжают в глухой захламленный дворик, где по уговору их должна поджидать сменная машина, а вместо машины видят взвод автоматчиков и сложенное из набитых сырым песком мешков пулеметное гнездо, откуда таращится крупнокалиберный ПКТ...

Пулемета во дворе, естественно, не было, зато машина, белая грузовая «ГАЗель» с синим пластиковым тентом, оказалась на месте. Действуя в строгом соответствии с планом, Ржавый лихо развернулся и тормознул, остановив своего синего «мерина» так, чтобы его боковая дверь оказалась напротив заднего борта «ГАЗели». Крупный дождь споро барабанил по железной крыше и пластиковому тенту, по асфальту стремительно бежали мутные полноводные ручьи, на поверхности которых ежесекундно вздувались и лопались тысячи пузырей. Вода рушилась с неба серой стеной, мириады мелких брызг повисли в воздухе, снижая видимость почти до нуля. Натянув на жирные татуированные плечи нейлоновую ветровку, от которой, как он точно знал, все равно не будет никакого толку, и набросив поверх красного кепи шуршащий капюшон, Ржавый вылез из прокуренной кабины под дождь.

Первым делом он осмотрел машину, проверяя, нет ли какого-нибудь подвоха. Машина была как машина – в меру потрепанная, но с виду вполне исправная. Ржавого порадовало то обстоятельство, что ее газовая установка была снабжена аж восемью баллонами сжиженного газа, которые, судя по показаниям манометра, были под завязку наполнены топливом. Это давало приличный запас хода, что с учетом обстоятельств было весьма кстати. Бензобак тоже оказался почти полным; ключ от замка зажигания, как и было обещано, обнаружился под резиновым ковриком в кабине.

Напоследок Ржавый заглянул в кузов, где проворный Лещ как раз заканчивал укладку переброшенных из микроавтобуса мешков с деньгами. Посередине кузова грудой валялось какое-то изъеденное ржавчиной, испачканное приставшим песком железо – гнутые, рваные водопроводные трубы, ни на что не годная запорная арматура и иной хлам, явно подобранный на месте крупной аварии сетей водоснабжения. Ближе к передней стенке кузова в полумраке угадывались очертания обмотанных резиновыми шлангами баллонов газосварочной установки; в углу торчала поставленная на попа двухсотлитровая железная бочка. Грязноватые рабочие комбинезоны и куртки с надписями «АВАРИЙНАЯ ВОДОКАНАЛА» были аккуратной кучкой сложены на дощатой скамейке. Это тоже было очень кстати, и не только в плане маскировки – главное, что эти тряпки были сухими.

Через две минуты белая грузовая «ГАЗель» осторожно выбиралась из узкой подворотни на залитую дождем улицу. В небе по-прежнему сверкало и гремело, тротуары опустели, пыльные газоны превратились в сплошное топкое болото, и пролетавшие вдоль бульвара машины вздымали колесами фонтаны грязной воды из глубоких луж. В стоках ливневой канализации глухо шумели целые водопады, поверх решеток плавал мелкий мусор. «Дворники» мотались взад-вперед, едва успевая убирать с ветрового стекла льющуюся потоками воду, плеск воды под днищем машины наводил на мысли о морской прогулке на катере.

– Кажется, все чисто, – оглядевшись по сторонам, с некоторым сомнением произнес Кожа, деливший со Ржавым кабину полуторки.

– Похоже на то, – согласился Ржавый, предварительно проинспектировав оба боковых зеркала.

Там, в забрызганных водой выпуклых стеклах, действительно не усматривалось ничего подозрительного. Ржавый всегда, и в особенности когда это было ему нужно, запоминал машины, ехавшие с ним в попутном направлении. Сцены из детективных сериалов, где герои следили друг за другом, день-деньской мотаясь за объектом слежки на одной и той же машине, смешили его до колик: он просто не понимал, как человек, пребывая в здравом уме и твердой памяти, может не заметить такой «хвост». И теперь, внимательно оглядев дорогу вокруг себя, Ржавый мог с полной уверенностью утверждать: ни одна из двигавшихся сейчас по бульвару машин в течение последнего получаса ему не встречалась.

Впрочем, это еще ничего не значило, и Ржавый это прекрасно понимал. Немного успокаивало лишь то, что посреди оживленной улицы нападение было практически исключено. Да и с какой стати заказчику нападать на них? Вполне возможно, что они с Кожей сильно переоценили этого загадочного телефонного умника. Налет на черный «шевроле» он и впрямь спланировал отменно. Выдумка со спецназовскими куртками и масками была, спору нет, хороша: мало какому случайному свидетелю придет в голову звонить ментам, чтобы настучать на фээсбэшников. А если и придет, дежурный на пульте пошлет его подальше; а если даже и не пошлет, то наряд к месту перестрелки все равно выедет не раньше, чем ментовское начальство свяжется с Лубянкой и выяснит, что никаких операций в районе, откуда поступил сигнал, ФСБ сегодня не проводит. А пока они там во всем разберутся и десять раз переругаются по телефону, налетчиков и след простынет...

С водопроводчиками тоже было придумано недурно, но что с того? Людям, даже самым умным и предусмотрительным, свойственно ошибаться. Вот и заказчик ошибся, доверив заезжим гастролерам два миллиона долларов наличными и снабдив их надежным и малоприметным транспортом. Теперь осталось лишь, действуя по пресловутому плану, выбраться за пределы Кольцевой дороги, а там на план можно будет смело наплевать. Россия велика, родная Украина тоже не за горами, и пускай этот умник из телефонной трубки попробует их найти! Два миллиона на четверых – это, ребята, по пятьсот тонн зелени на брата, а с такими бабками нигде не пропадешь.

Ржавый не без усилия отогнал промелькнувшую в мозгу заманчивую мыслишку: как-никак, два миллиона или хотя бы один – это намного лучше, чем пятьсот тысяч. Может, наемнуть Коже? Но, с другой стороны, те двое в кузове могут прямо сейчас обдумывать эту же привлекательную идею. Как засадят в затылок прямо через стенку кабины!.. Нет, решил Ржавый, так думать не годится. Так можно до чего угодно додуматься, с такими мыслями лучше не жить, а прямо сразу застрелиться, не дожидаясь, пока тебя упакуют в смирительную рубашку и поволокут в дурдом. Надо же, что измыслил! Нет, правильно бабка-покойница говорила: деньги – от дьявола...

Он притормозил, пристроившись в хвост длинной колонне собравшихся у светофора машин. Это была еще не пробка, но чувствовалось: стоит транспортному потоку еще хоть чуточку уплотниться, и затора не миновать. А уж если на перекрестке случится даже самая

пустяковая авария, движение в этом районе будет парализовано основательно и надолго. Да, при всех своих многочисленных плюсах жизнь в столичном мегаполисе имела такое же большое количество минусов, и сумасшедшее движение на дорогах можно было смело отнести к последним. Что толку каждый месяц огребать кучу бабок и содержать дорогуший автомобиль, если ездить на нем все равно приходится со скоростью пешехода?

Мимо, уверенно прокладывая путь между замершими в три ряда автомобилями, протарахтел мотоциклист. Ржавый присвистнул и толкнул локтем Кожу, указывая ему на это диво. Кожа изумленно хмыкнул, ибо диво и впрямь имело место быть. По самому центру гигантского мегаполиса, едва не задевая похожие на реактивные снаряды будущего «фerrари», «майбахи» и «бентли», преспокойно ехал выходец из прошлого тысячелетия: верхом на древней «Яве» с примотанной к сиденью удочкой в линиялом зеленом чехле, до самых глаз укутанный в мокрый брезент плащ-накидки, в нелепом полукруглом шлеме и забрызганных водой очках-консервах. Этот тархтящий призрак смотрелся бы более уместно, наверное, на пыльной ухабистой улочке захолустного райцентра с населением в десять тысяч человек. В крупных городах такие «ангелы ада на колесах» давно превратились в вымирающий биологический вид, а на столичных магистралях их и вовсе не встретишь. И вот – пожалуйста! И ведь не на скоростном спортивном байке, не на тяжелом харизматичном «харлее», а на несбыточной мечте едва ли не каждого подростка восьмидесятых, трескучей красной «Яве-350»!

Дождевая вода струйками стекала на дорогу с тяжело трепыхающихся краев плащ-накидки, из тронутой ржавчиной выхлопной трубы валил льнущий к мокрому асфальту густой сизый дым. Красный габаритный огонь тускло рдел над забрызганной грязью жестяной пластиковой архаичного номерного знака, выданного где-то во второй половине восьмидесятых годов прошлого столетия. Миновав «ГАЗель», мотоциклист на мгновение повернул голову и сквозь залитые водой стекла очков взглянул, казалось, прямо в лицо Ржавому. Ржавый, ухмыляясь во весь рот, показал ему большой палец: даешь, мол, мужик, так держать! Пускай они все хоть в лепешку расшибутся на своих «майбахах» и «дьябло», а ты тархти себе спокойно по своим делам!

Мотоциклист коснулся очков рукой в старомодной мотоциклетной перчатке с широким раструбом, не то приветствуя Ржавого, не то пытаясь протереть густо забрызганные стекла, а потом, отвернувшись, проехал дальше, к светофору. Шлем у него на голове был красный, местами облупившийся до желтоватой пластмассы; очки держались на широкой, когда-то белой, а теперь посеревшей от старости и грязи бельевой резинке.

– Вот это перец, – глядя ему вслед, восхищенно проговорил Ржавый. – Привидение на дороге!

Колонна тронулась и медленно поползла вперед. Ржавый включил передачу и отпустил сцепление, в то же время левой рукой ловко прикуривая сигарету. Встреча с мотоциклистом, который выкатился на этот забитый транспортом, залитый дождем перекресток из полузабытых времен горбачевской перестройки, чудесным образом подняла ему настроение. Нервное напряжение, не отпускавшее с самого утра, пошло на убыль, и теперь Ржавый не испытывал ничего, кроме удовольствия от грамотно проделанной работы и приятных предвкушений, связанных с предстоящим дележом гигантской суммы в твердой валюте.

Они без приключений выбрались из города, счастливо миновали Кольцевую и выкатились на Каширское шоссе. Здесь они ненадолго остановились в придорожной забегаловке, чтобы купить еды и пива. Стоя у кассы и собирая по карманам мелочь, Ржавый услышал, как снаружи протарахтел какой-то мотоцикл. Ему немедленно вспомнился чудака на ископаемой «Яве»; усмехаясь, Ржавый сгрел с прилавка сдачу, вернулся к машине и сел за руль.

Настроение было приподнятое и достигло небывалых высот, когда заказчик снова позвонил Коже и, не поперхнувшись, проглотил наглое вранье последнего, согласно которому они в данный момент двигались к условленному месту встречи вовсе не по Каширскому, а по Воло-

коламскому шоссе. После этого звонка даже осторожный и подозрительный Кожа окончательно уверился в том, что имеет дело с образованным и умным лохом, который хорош у себя в кабинете, где решает сложные теоретические вопросы, и оказывается абсолютно беспомощным, имея дело с реальными, живыми людьми, которые хоть и без дипломов, но тоже не лыком шиты. Окончив разговор, Кожа выбросил мобильник в окошко, прямо под колеса ехавшей следом за ними фуры. Фура возмущенно прогудела клаксоном и, будто в отместку, пошла на обгон, забрызгав им все ветровое стекло грязной водяной пылью из-под колес. Беззлобно ругнувшись, Ржавый дал фуру оторваться, а когда дождь и неумолимые «дворники» наконец очистили стекло, увидел справа от себя, на обочине пересекавшей шоссе проселочной грунтовки, сиротливо мокнувший под проливным дождем вишневый мотоцикл с никелированными крыльями и накладками на бензобаке.

Ошибиться было невозможно – там, на проселке, четко выделяясь на темном фоне придорожных кустов, стояла хорошо знакомая им «Ява». Ржавый оторвал от руля руку, намереваясь указать на нее Коже, но не успел произнести ни слова.

Шум пронесшихся по мокрому шоссе автомобилей заглушил негромкий щелчок выстрела, дождь и порывистый ветер мгновенно развеяли легкий дымок. Остроносая броньбойно-зажигательная пуля продырявила выпуклый красный бок одного из восьми укрепленных под днищем кузова баллонов со сжиженным газом. Все восемь рванули почти одновременно; через какую-то долю секунды к ним присоединились баллоны находившейся в кузове ацетиленовой газосварочной установки. Последней взорвалась стоявшая в углу кузова двухсотлитровая бочка с высокооктановым бензином. «ГАЗель» парила в полутора метрах над шоссе, медленно переворачиваясь в воздухе, взрываясь и разваливаясь в полете на чадно полыхающие куски и клочья.

К тому времени, как на место происшествия прибыл пожарный расчет, валявшийся вверх колесами в придорожном кювете искореженный железный остов еще дымился, но все, что могло гореть внутри и вокруг него, уже выгорело дотла.

Глава 2

Защищенная от прямых солнечных лучей легким парусиновым тентом веранда летнего кафе была пуста и чисто прибрана. За перилами веранды плескалась, играя на солнце веселыми бликами, мутная вода Москвы-реки; за рекой виднелась гранитная набережная, над которой возносил в безоблачное небо свои стены, башни и купола Кремль. У входа на веранду лицом к улице стояли в одинаковых позах двое плечистых молодых людей в темных костюмах и белых рубашках. Их бесстрастные лица украшали непроницаемо-черные солнцезащитные очки, в ухе у каждого виднелся миниатюрный наушник рации.

Легкий ветерок колыхал тент, теребил края крахмальной скатерти, которой был накрыт единственный занятый столик. За столиком сидели двое. Один, лет сорока с небольшим, имел спортивную фигуру и лощеную внешность завсегда дорогих и престижных парикмахерских, косметических салонов и тренажерных залов. Его сухое, безупречно выбритое, с чеканными чертами лицо было бесстрастным, как у тех двоих, что стерегли вход на веранду; глаза, как и у них, прятались за темными стеклами солнцезащитных очков. Рука с холеными ногтями легонько поигрывала ножкой хрустального бокала с минеральной водой, на безымянном пальце поблескивало тонкое обручальное кольцо.

Его собеседник был лет на десять старше и весил килограммов на пятнадцать-двадцать больше – не за счет жира, хотя между полами расстегнутого пиджака модного пару сезонов назад цвета «электрик» уже проглядывала предательская округлость, – а за счет богатырского роста и ширины плеч, которым мог бы позавидовать любой атлет. Ворот белой рубашки тоже был расстегнут, и в глубоком вырезе виднелся повязанный с артистической небрежностью шейный платок. Правильность черт, свойственная его визави, была присуща его лицу в еще большей мере; производимое этим твердым, мужественным лицом впечатление силы и неотразимого обаяния подчеркивалось и укреплялось богатой, густой шевелюрой.

Впечатляющая наружность была для своего обладателя как благословением (ибо кто же откажется от внешности покорителя женских сердец?), так и проклятием, с которым ему приходилось неустанно бороться на протяжении последних тридцати лет. По роду своей деятельности человек в пиджаке цвета «электрик» часто имел дело с чиновниками самого разного уровня, а чиновники все как один привыкли смотреть на людей сверху вниз, с чувством собственного превосходства. Когда же это им не удавалось (а в случае с Павлом Григорьевичем Скороходом это мало кому удавалось), они обижались, как капризные дети, раздражались, а раздражившись, начинали ставить палки в колеса даже там, где это казалось невозможным. Да и как не раздражаться, когда явившийся в кабинет проситель (а все, кто заходит в кабинет даже самого мелкого чинуши, помимо его начальства и коллег, автоматически оказываются в унижительной роли просителя) буквально во всем превосходит тебя настолько, что это с первого взгляда становится ясно и тебе, и ему, и, что хуже всего, даже твоей секретарше?

Прекрасно это зная, Павел Григорьевич Скороход при общении с чиновниками старался держаться с почтением и всякий раз включал на полную катушку присущее ему обаяние. С чиновниками-женщинами это чаще всего срабатывало; с мужчинами было сложнее, и, когда обаяние оказывалось бессильным, приходилось прибегать к помощи денег, которых Павел Григорьевич за свою жизнь успел заработать (именно заработать, хотя некоторым больше нравился глагол «наворовать») презрительное количество.

Сегодня Павлу Григорьевичу приходилось туго. Волей злого случая очутившись в очень непростой ситуации, он был вынужден униженно просить и оправдываться. Собеседник же, точно зная, что деваться тому некуда, внутренне торжествовал. Надетая на лицо бесстрастная маска не могла обмануть проницательного Скорохода: он видел сидевшую перед ним шестерку

в дорогом костюме насквозь и хорошо осознавал, что собеседник не испытывает по поводу услышанного ничего, кроме самого глубокого злорадства.

Вообще, разговор был пустопорожний. Все, что Павел Григорьевич Скороход мог сказать по поводу вчерашнего инцидента, уже было известно хозяевам человека в темных очках – может быть, в самых общих чертах, а может быть, и в таких подробностях, которых самому Павлу Григорьевичу не суждено узнать до самой своей смерти. И решение по этому вопросу было принято задолго до их встречи, и принимал его, конечно же, кто-то другой, а вовсе не этот старший помощник младшего холуя. Так что происходившая в данный момент встреча была лишь частью бессмысленного ритуала, и заменить ее мог один-единственный короткий звонок по телефону...

– Надеюсь, вы шутите, – после долгой паузы произнес чиновник.

Сказано это было без какой-либо интонации, словно со Скороходом разговаривал не человек, а недурно запрограммированный и замаскированный под человека робот из фантастического кинофильма.

Павел Григорьевич вздохнул. Его собственные солнцезащитные очки, радужные «хамелеоны» в тонкой золотой оправе, лежали перед ним на столе. Это был обдуманнный жест, как бы говоривший собеседнику, что в отличие от него Павлу Григорьевичу нечего скрывать: не веришь – посмотри в глаза, которые, как известно, являются зеркалом души.

– Пошутить я люблю, – признался он, – но, боюсь, наши общие знакомые вряд ли способны по достоинству оценить такой юмор.

– Достойная оценка подобного юмора вряд ли придется по нраву шутнику, – заметил чиновник.

Темные линзы его очков были направлены куда-то поверх плеча Павла Григорьевича, и Скороход видел в них уменьшенное, искаженное отражение плывущего по реке прогулочного теплохода и возвышающейся на противоположном берегу древней цитадели русских самодержцев.

– Именно это я и хотел сказать, – смиренно согласился он, борясь с сюрреалистическим ощущением, будто с ним говорит не живой человек, а некое материализованное воплощение заключенного в кирпичных стенах, не слишком доброго духа.

– Что именно вы хотели сказать, не столь важно, – бесстрастно заметил чиновник, имени которого Павел Григорьевич не знал и не хотел знать. – Важно другое: что вы намерены делать? Ведь что-то предпринять, согласитесь, необходимо. Это понятно всем, и, если вы не начнете шевелиться в самое ближайшее время, за вас это сделает кто-то другой.

Скороход выслушал угрозу не моргнув глазом, хотя и понимал, что это, скорее всего, отнюдь не пустые слова.

– Кого-нибудь подозреваете? – наконец-то перешел к делу чиновник.

Скороход искренне развел руками.

– Ума не приложу, кто бы это мог быть, – честно признался он.

– Блатные? Братва?

Павел Григорьевич задумчиво покачал головой.

– Исключено. Если только кто-то не сошел с ума. Благодаря вам у меня уже давно нет проблем с этим... э... контингентом.

– Гастролеры?

Скороход снова отрицательно покачал головой.

– Слишком полная и точная информация, слишком тщательно и обдуманно совершено нападение... Если это гастролеры, то навел их кто-то очень хорошо информированный. В своих ближайших помощниках я уверен, а больше о наших с вами делах никто не знал. Может быть, это кто-то из ваших?

– Думайте, что говорите, – резко обрубил чиновник.

– Ну, тогда я не знаю...

– Конкуренты?

– Сомневаюсь, – вздохнул Скороход. – Все они очень состоятельные, солидные и с некоторых пор даже вполне приличные люди. Два миллиона для них не такая большая сумма, чтобы рисковать из-за нее всем – бизнесом, положением в обществе, головой, наконец...

– Но кто-то же рискнул, – напомнил чиновник. – Для кого-то эти два миллиона оказались достаточно лакомой приманкой... Я слышал, у вас в последнее время наметились некоторые финансовые проблемы?

Скороход нахмурился. У него действительно были проблемы, но не с финансами вообще, а с неучтенными наличными, которые в основной своей массе по нехитрой, но весьма остроумной схеме регулярно переключивались из карманов Павла Григорьевича в бездонные карманы хозяев сидевшего напротив него функционера. Страстный и весьма сведущий в искусстве коллекционер, Скороход полтора месяца назад купил несколько дорогих картин – несомненно, подлинных, но с довольно сомнительным происхождением. Платить пришлось наличными, и притом дорого – не столько за сами картины, сколько за молчание посредников и услуги искусствоведов, которые в течение нескольких недель упорно трудились, создавая прочную, документально подтвержденную легенду, согласно которой происхождение приобретенных Скороходом полотен было легальным, как дыхание, а факт их приобретения выглядел чуть ли не гражданским подвигом во имя сохранения сокровищ российской живописи. Авторы полотен, принадлежавшие к хорошо известной в России перед началом Первой мировой войны группе художников, сейчас переживали посмертный взлет популярности, так что покупка обошлась Скороходу в кругленькую сумму. Вчерашняя двухмиллионная выплата (которую он избегал вслух называть взяткой даже наедине с собой) почти дочиستا опустошила его кассу. Она гарантировала ему полный покой в течение месяца, а за месяц империя Скорохода автоматически покрыла бы наметившийся дефицит наличных средств.

Теперь же два миллиона долларов исчезли в неизвестном направлении, а необходимость срочно внести упомянутую сумму, увы, никуда не делась. Наличных у Павла Григорьевича в данный момент не было, где их взять, он не представлял да и особого желания сию же секунду бросаться на поиски денег не испытывал. Было у него подозрение, что с этим налетом что-то нечисто. В конце концов, чем плохо вместо двух миллионов в одночасье заграбастать четыре? Зная время выплаты и маршрут, по которому будут двигаться курьеры, ничего не стоит организовать засаду, захватить груз, а после, страшно вращая вытаращенными глазами, с возмущением и угрозой вопрошать: «Где мои деньги?!»

Потом до него дошло, на что намекает собеседник, и Скороход нахмурился еще сильнее.

– На что это вы намекаете, молодой человек? – спросил он, впервые за все время разговора позволив себе не сдерживать раздражения, которое вызывал у него этот хлыщ. – Не хотите ли вы сказать, что я сам себя ограбил?

– Обычно я говорю только то, что хочу сказать, – невозмутимо возразил чинуша, которого гнев собеседника оставил равнодушным. – А сказал я всего лишь, что у вас, по слухам, возникли финансовые проблемы.

– Теперь – да, возникли, – тяжело усмехнулся Павел Григорьевич. – Но мои проблемы касаются только меня...

– Именно это, – с легким намеком на насмешку процитировал его же слова чиновник, – я и хотел сказать. И главная ваша проблема заключается в необходимости внести причитающуюся с вас сумму строго в установленный срок. Который, замечу, – добавил он после коротенькой паузы, – истек сегодня, в ноль часов ноль-ноль минут. Может быть, это и не ваша вина, но зато уж точно – ваша проблема. Так как вы намерены ее решать?

– Я заплачу, как только у меня появятся свободные деньги, – сквозь зубы пообещал Павел Григорьевич. – Но вы-то должны знать, что все они в деле и просто так, разом, выдернуть из оборота такую сумму я не в состоянии. Я заплачу...

– С процентами, – уточнил чиновник.

– Ну а как же, – с горечью покивал Скороход. – Это уж как водится... У братвы это называется «поставить на счетчик».

– Деловой подход к решению проблем – вот как это называется у нормальных людей, – не остался в долгу собеседник.

– Найду эту сволочь – наизнанку выверну, – с неожиданно прорвавшейся яростью пообещал Скороход.

Чиновник быстро выставил перед собой ладонь, как бы отгораживаясь от исходившей от Павла Григорьевича агрессии.

– А вот этого не будет, – твердо заявил он. – Во-первых, нам не нужны бандитские разборки в центре Москвы. А во-вторых, кое-кто опасается, как бы проводимое вами расследование не превратилось в простое замечание следов.

– Да что вы говорите?! – уже не скрывая сарказма, воскликнул Скороход. – Признаюсь вам, как на духу: я, со своей стороны, испытываю те же опасения.

Чиновник подумал, вздохнул и снял очки. Глаза у него оказались усталые, розовые от бессонницы, а веки – тяжелые, набрякшие. Без очков он разом постарел на десять лет и перестал выглядеть надутой шестеркой.

– Хорошо, – сказал он. – Вы ищите по своим каналам, а мы станем искать по своим, идет? В конце концов, ограбили и вас и нас, да так ловко, что нам, видимо, до конца не удастся избавиться от взаимных подозрений. Поэтому в наших общих интересах найти вора как можно скорее. Что же до всего остального... Ну, вы же сами понимаете: дружба дружбой, а табачок врозь.

– Да, это я понимаю, – вяло согласился Скороход. – А помните дело Гдляна – Иванова? – неожиданно для себя спросил он. – Когда по телевизору сказали, что они изъяли у подозреваемых на миллион рублей ценностей, я за голову схватился: это как же – целый миллион?! Я тогда был твердо уверен, что заработать такую сумму абсолютно невозможно, а украсть – нереально. А это был всего-навсего миллион рублей...

– Советских рублей, – напомнил чиновник. – По тогдашнему курсу...

– Официальному, – перебил его Скороход.

– Ну да, – согласился чиновник. – Что ж, времена меняются...

– Непонятно только, в лучшую ли сторону.

Чиновник пожал прямыми плечами.

– В лучшую или в худшую, нам выбирать не приходится. Как говорится, какие времена, такие и песни.

Они расстались почти друзьями – по крайней мере, с виду. Неизвестно, о чем думал, уезжая на черном «мерседесе» с синим проблесковым маячком, снова нацепивший очки и помолодевший чиновник, а в голове у Скорохода, когда он сидел на заднее сиденье своего «майбаха», отчетливо и быстро, совсем как в салоне старого такси, стрекотал работающий счетчик.

* * *

Генерал Потапчук осторожно, по-стариковски, опустился в глубокое, модных очертаний кресло, с неодобрительным видом пощупал яркую обивку, поискал, куда бы пристроить свой портфель, и, не найдя достойного места для такой драгоценности, положил его на колени. Только после этого он поднял взгляд на Клима, который в продолжение всей этой томительной

процедуры гадал, какого дьявола Федору Филипповичу, пребывающему в очень неплохой для своего возраста форме, понадобилось так старательно изображать старческую немощь.

Клим Неверов из секретного подразделения ликвидаторов под кодовым названием «Слепой» пришел в отряд не так давно, но уже привык к этой манере генерала.

Впрочем, сердце у генерала по-прежнему пошаливало, и за несколько последних лет он и впрямь заметно постарел. Проявлялось это в основном в те моменты, когда Федор Филиппович бывал чем-то до крайности недоволен и раздражен. Тогда, вот как сейчас, он принимался кряхтеть, сопеть, ворчать, кашлять в кулак, утираться носовым платком, двигаться подчеркнуто замедленно и, главное, проявлять повышенное внимание к своему потертому, потерявшему форму и цвет матерчатому портфелю.

Замедленно двигаясь и побряхтывая, словно каждое движение давалось ему через силу, Федор Филиппович поерзал в кресле, пару раз кашлянул в кулак, вынул из кармана пиджака свежий носовой платок и без видимой необходимости утер нос. Спрятав платок, он зачем-то обеими руками приподнял свой портфель, окинул его внимательным взглядом, будто проверяя, все ли с ним в порядке, и бережно опустил обратно на колени.

– Докладывай, – проворчал он с неприязнью, которая, как искренне надеялся Клим Неверов, относилась не к нему. – Ты ознакомился с делом?

Неверов прошелся по тесноватой, со скошенным потолком, мансардной комнатке конспиративной квартиры и с удовольствием опустился в недавно купленное кресло, составлявшее пару тому, в котором восседал, нахохлившись, Федор Филиппович.

– Ознакомился, – признался он, теребя свисавший вдоль окна, как раз над его правым плечом, шнур жалюзи. – Если хотите знать мое мнение, это не дело, а какая-то чепуха на постном масле.

– В данный момент меня больше интересуют факты, – с холодной любезностью, намекавшей на то, что вольности тут неуместны, объявил генерал. – Мнениями же мы с тобой обменяемся позже. Если, конечно, у тебя к тому времени появится мнение, которое стоило бы высказывать вслух.

Неверов неторопливо, чтобы спрятать улыбку, закурил и выпустил дым в покатый потолок мансарды.

– Позавчера, – повествовательным тоном начал он, – примерно в четырнадцать пятнадцать из ворот казино «Бубновый валет», что неподалеку от Тверской, выехал служебный автомобиль марки «шевроле», черного цвета, госномер... виноват, запамятовал.

– Это несущественно, – великодушно отмахнулся генерал. – Машина точно принадлежала казино?

– Точно, – кивнул Неверов и затянулся сигаретой. – В машине сидели двое охранников и старший менеджер казино, некто Нимчук Альберт Николаевич. Этот факт подтверждается как показаниями свидетелей, например дежурного охранника во дворе казино, так и записью камеры наружного наблюдения и осмотром места преступления, на котором все трое вскоре были обнаружены без признаков жизни...

– Удивительная штука, – вклинившись в сделанную Неверовым паузу, заметил генерал. – Почему-то ты начинаешь говорить как нормальный строевой офицер, только когда паясничаешь.

– А где вы видите строевого офицера? – огрызнулся Клим. – Вы вспомните сначала, чем я зарабатываю на хлеб с маслом, а после уж говорите о нормальности. Мне продолжать?

– Докладывать или паясничать? – не удержавшись, съязвил Потапчук. – Или, быть может, пререкаться с начальством?

– Как прикажете, – кротко ответил Неверов.

– Докладывай, – буркнул генерал.

– Есть! – звонко отчеканил офицер и, заметив свирепый взгляд Федора Филипповича, сделал виноватое лицо. – Словом, выехали они в четырнадцать пятнадцать, перед самой грозой... Помните, как лило? Куда ехали, никто не знает – по словам майора, который этим занимался, даже владелец казино, некий Скороход...

– Не казино, – поправил генерал, – а сети казино «Бубновый валет». Это существенно, Клим Петрович, поскольку два казино, как нетрудно подсчитать, приносят вдвое больше денег, чем одно, а целая сеть... Словом, это совсем другой уровень доходов, и тебе не следует сбрасывать это со счетов.

– Я знаю, кто такой Скороход, – поведал Неверов. – Не раз подумывал внести его в свою картотеку, да все как-то не было случая приглядеться к нему повнимательнее.

– Вот и приглядишься, – посоветовал генерал, проигнорировав появившуюся на лице Клима кислую мину.

– Ну, словом, куда они ехали, никто не знает, – продолжал Клим. – Или просто делают вид, что не знают. На мой взгляд, это одно и то же, потому что если не хотят говорить, то надо думать, и не скажут. Что же их теперь – пытаться? Подозреваю, кстати, что этот мешок трухи в майорских погонах темнит. Вот кому бы я с особенным наслаждением вырвал парочку ногтей! Но это, увы, был бы поступок, недостойный... гм... строевого офицера.

– И бессмысленный вдобавок, – вставил Федор Филиппович. – Если кто и темнит, так не майор, можешь пока просто поверить мне на слово. Ну?..

– Ну, занесло их зачем-то во дворы... Знаете, есть в том районе такой семи-восьмиэтажный кирпичный лабиринт, который все собираются и все никак не соберутся снести... Можно предположить, что они пытались объехать пробку и, видимо, делали это не в первый и даже не во второй раз, потому что поджидали их именно там. Мне удалось выдрать из зубов у московской милиции протоколы осмотра места происшествия и вскрытия тел. Так вот, этот менеджер Нимчук и один из охранников были расстреляны практически в упор из девятимиллиметровых штурмовых пистолетов – судя по количеству выпущенных патронов и дырок в телах, наподобие «ингрэма» или «узи». А началось все с того, что кто-то, сидя на крыше, всадил водителю точно между глаз винтовочную пулю калибра 7,62. После этого машина потеряла управление и въехала в стену. Надо полагать, остальные участники увеселения прибыли незамедлительно, поскольку Нимчук и охранник даже не успели вынуть оружие. Свидетели рассказывают о каком-то темном микроавтобусе и людях в черных куртках и трикотажных масках. Одна бабуся восьмидесяти трех лет от роду разглядела из окна надпись «ФСБ» у них на спинах, но к тому времени уже лило как из ведра, да и зрение у нее, сами понимаете...

– А что они там делали, твоя бабуся не разглядела? – поморщившись при упоминании о надписи на спинах налетчиков, поинтересовался генерал.

– По ее словам, то ли клали что-то в багажник разбитой машины, то ли, наоборот, вынимали. Но, поскольку в багажнике не обнаружилось ничего постороннего, кроме пары ведер дождевой воды, можно предположить, что именно вынимали. Далее, синий грузовой микроавтобус марки «мерседес» был обнаружен брошенным во дворе в трех кварталах от места преступления. Двери кузова были распахнуты настежь, внутри, прямо на полу, валялись три скомканные мокрые куртки. Куртки одинаковые, спортивные, цвет и покрой напоминают униформу нашего спецназа, в районе лопаток действительно обнаружена аббревиатура «ФСБ», нанесенная кустарным способом, при помощи кисти и нитрокраски. Обнаружены также трикотажные маски в количестве трех штук и немного грязи на полу кабины и грузового отсека. Микроавтобус уже неделю значится в угоне, регистрационные номера поддельные, тоже чуть ли не от руки нарисованы...

– Россия-матушка, – буркнул генерал. – Одним лень номера по-человечески подделать, а другим – просто разуть глаза и увидеть прямо у себя под носом явную липу...

– Не скажите. Работать наши меньшие братья все-таки умеют, особенно когда захотят, – неожиданно встал на защиту московских сыщиков Неверов. – Представьте себе, им удалось установить, на каком предположительно транспорте налетчики продолжили путь. Какой-то дядечка, поджидавший в салоне своей машины забежавшую в соседний магазин жену, видел, как во двор нежилого дома сначала въехал синий «мерседес», а буквально через пару минут оттуда выехала грузовая «ГАЗель». Сидел он близко и сумел хорошо разглядеть водителя. Водитель был один и тот же – рыжий, в красном кепи, поверх которого были надеты солнцезащитные очки. Только, въезжая во двор на микроавтобусе, он был одет в десантный тельник без рукавов, а когда выезжал на грузовике, на нем была какая-то спецовка. Это показалось свидетелю настолько подозрительным, что он запомнил номер «ГАЗели»...

– Машину хотя бы объявили в розыск?

– Объявили и сразу нашли. Далеко ходить не пришлось, она обнаружилась в свежей сводке дорожных происшествий. Менее чем через два часа после налета на тридцать седьмом километре Каширского шоссе упомянутая «ГАЗель» вдруг на полном ходу взорвалась, взлетела на воздух, упала в кювет и сторела дотла вместе со всеми пассажирами раньше, чем подошли пожарные. В кузове были обнаружены фрагменты железной бочки из-под горючего и остатки искореженной взрывом газосварочной установки. Официальных версий происшествия две: неосторожность при обращении с огнем – мол, кто-то курил, сидя верхом на подтекающей бочке с бензином, – и неисправность газового оборудования автомобиля.

– Ну-ну, – недоверчиво пробормотал генерал. – Мне всегда не нравились эти керогазы, но я впервые слышу, чтобы они сами по себе взрывались прямо на ходу!

– Мне это тоже показалось странным, – согласился Неверов. – Поэтому я не поленился взять металлоискатель и выехать на место происшествия.

– И?..

– Промочил ноги, болван, – сообщил Клим. – О резиновых сапогах я как-то не позаботился, а в кювете после той грозы впору рыбу разводить... Впрочем, шерсти клока я с этой поездки все же поимел. Вот, поинтересуйтесь.

С этими словами он выбросил на стол крупный кусок металла величиной в пару ладоней. Тяжко брякнув о деревянную крышку, железка закачалась из стороны в сторону, как детские качели-лодочка. Она была выгнутая, словно некогда представляла собой фрагмент какого-то цилиндрического предмета. Толстый металл по краям был иззубрен, как будто его не разрезали, не распилили и даже не сломали, а просто разорвали, как промокашку.

На внешней, выпуклой стороне среди черной сажи, рыжей ржавчины и сизой окалины еще можно было разглядеть чешуйки красной эмалевой краски. Примерно посередине виднелось что-то вроде кратера – глубокая округлая вмятина с аккуратным отверстием на дне, которое могло быть не чем иным, как пулевой пробойной.

Понимая, что это за штука, Федор Филиппович поднес железку к лицу и понюхал. Несмотря на то что она долго пролежала под дождем в сырой траве, она все еще источала слабые, но легко различимые запахи гари и сжиженного газа – пропана или, может быть, бутана, кто его там разберет.

– Калибр 7,62, – сообщил Неверов. – Я померил... Точно в середину и точно под прямым углом, чтобы, не дай бог, не получилось рикошета. На его месте я бы для верности стрелял бронебойно-зажигательной. И, судя по эффекту, именно так он и поступил. Мастер! Я вот думаю: отдать эту реликвию ментам или не отдавать? С одной стороны, важная улика, а с другой – вряд ли они обрадуются, получив в довесок к трем жмурикам еще четырех...

– Можешь не трудиться, – проворчал Потапчук, аккуратно кладя тяжелый кусок железа на стол. – Ментам эта улика ни к чему. Все материалы по этому делу переданы нам... вернее, тебе.

– Мне?! – воскликнул Неверов, и было непонятно, чего в этом возгласе больше: искреннего изумления или столь же искреннего возмущения. – Да с какой стати?! Если так пойдет дальше, скоро вы начнете посылать меня на каждый случай поножовщины...

– Если понадобится, начну, – отрезал генерал. – А пока этого не случилось, давай-ка подытожим то, что ты, помнится, назвал чепухой на постном масле. Итак, из казино, которое существует не само по себе, а относится к едва ли не самой крупной сети подобных заведений в Москве, а стало быть, и во всей России, выезжает старший менеджер в сопровождении водителя и охранника. Заметь, все трое вооружены и настолько куда-то торопятся, что стоять в пробке им недосуг. На них совершается отлично организованный налет с использованием снайпера, которого ты же сам назвал мастером. Можно предположить, что организаторы налета хорошо знали, за чем охотятся. Я также, и притом с большой долей уверенности, могу предположить, что речь идет о весьма приличной сумме, не превышающей, впрочем, двух миллионов долларов США или, в крайнем случае, евро...

– Почему? – спросил Клим.

– Потому что больше не влезает в багажник, – ответил Федор Филиппович, увы, совсем не на тот вопрос, который задал ему Неверов.

– Почему вы так уверены, что они везли деньги? – рискнул проявить настойчивость Клим. – То есть я понимаю, конечно, что ради чего-то другого никто не стал бы городить огород, но какого черта?! Что, система банковской инкассации в нашем славном городе перестала работать? Два миллиона в багажнике – это же курам на смех!

– Курам, увы, не смешно, – мрачно проинформировал его генерал. – Куры кудахчут и мечутся из стороны в сторону, пытаюсь понять, какой наглый воробей украл просо из их кормушки.

– То есть вы хотите сказать, что этот менеджер вступил в сговор с охраной и украл у хозяина два миллиона наличными?

– Давай примем это за рабочую версию, – уклончиво, как показалось Климу, предложил Потапчук.

– Ну, давайте, – нехотя согласился Неверов. – Значит, этот Нимчук вдруг впал в кратковременное умопомешательство и, пребывая в этом приятном состоянии, спланировал кражу большой суммы денег из сейфа казино. В сообщники он взял водителя и охранника. Кто-то из них троих проболтался, или им зачем-то понадобились еще сообщники, которые в решающий миг повели себя не по плану – вернее, не по плану Нимчука, а по своему собственному плану, в котором Нимчук со товарищи, если и фигурировал, так лишь на начальном этапе и в качестве мишеней. И еще был снайпер, который сначала остановил машину Нимчука, застрелив водителя, и позволил таинственным налетчикам благополучно повернуть дельце, а когда денежки были выгружены из микроавтобуса, прикончил исполнителей. Из этого следует, что в «ГАЗели» денег не было, иначе зачем понадобилось ее подрывать? Значит... – Он почесал затылок и закурил новую сигарету. – Что за чушь! Злоумышленники размножаются, как бактерии в питательной среде! Похоже, наша с вами рабочая версия ни к черту не годится. Хорош вор, о замысле которого знало полгорода! Он что, дурак, этот Нимчук? Пьяница? Бабник?

– В высшей степени умный, образованный и сдержанный человек, – сообщил генерал, который, как уже не в первый раз показалось Климу, знал об этом деле куда больше, чем считал нужным говорить. – Прекрасный семьянин, случайных связей не имел в силу повышенной брезгливости. Доверенное лицо самого Скорохода – не заместитель, конечно, не правая рука и, уж конечно, не деловой партнер, но надежный, проверенный и инициативный исполнитель, на которого хозяин мог положиться буквально во всем. Пил очень умеренно и совсем не курил, хотя постоянно держал во рту сигару...

– Пижон, – вынес вердикт Неверов, который в нерабочей обстановке и без огнестрельного оружия в руках иногда становился невоздержанным на язык.

– Да, многие придерживались о нем именно такого мнения, – согласился Потапчук. – Но во всем, что касалось работы, он был педантичен и, главное, верен хозяину, как цепной пес. Так что наша рабочая версия действительно не выдерживает никакой критики. Другие версии будут?

Неверов снова поскреб затылок.

– Для сведения личных счетов чересчур громоздко, – задумчиво проговорил он. – Подстеречь в подъезде и застрелить в упор, а то и просто ударить пятикилограммовой гантелью по затылку – это я понимаю. А тут устроили, я не знаю... вестерн какой-то! Голливуд! Нет, в машине, несомненно, было что-то ценное. Или налетчики просто думали, что оно там есть...

– Было, было, – подсказал Потапчук, – не сомневайся.

– Какие-нибудь важные документы? – предположил Неверов.

Генерал отрицательно покачал головой и вздохнул.

– Деньги, Клим, – сказал он после томительной паузы. – Два миллиона долларов, которые как в воду канули.

Неверов впал в долгую и, судя по выражению его лица, крайне неприятную задумчивость. Это был один из тех нечастых случаев, когда он мог позволить себе не контролировать лицевые мускулы, поскольку находился с глазу на глаз с Федором Филипповичем, который, казалось, мог без труда читать его мысли. Кроме того, в данном конкретном случае ему очень хотелось, чтобы генерал догадался, о чем он думает. Правильность догадки, даже самой верной, можно отрицать или признавать, дело не в этом; главное, что тогда не придется высказывать вслух не слишком лестные мысли о своем прямом начальнике. Говорить подобные вещи прямо в глаза генералу ФСБ – занятие скользкое, и конечный результат здесь зависит от того, кто таков есть этот самый генерал. Один, услышав такое предположение о своей драгоценной персоне, наорет, выкинет за дверь, а после сошлет наглеца в Чечню или сгноит в каком-нибудь богом забытом гарнизоне. Другой улыбнется ласково и при помощи веских, тщательно подобранных аргументов развеет все твои сомнения, после чего так же тщательно, с предельной аккуратностью организует тебе несчастный случай с летальным исходом. Третий решит, что перед ним стоит набитый дурак, и впредь не станет иметь с бестолочью никакого дела – и сам не станет, и всем своим коллегам-генералам закажет. А Федор Филиппович – просто обидится и будет долго переживать, потому что Клим для него не столько подчиненный, офицер специального подразделения «Слепой», сколько младший товарищ, почти что сын.

И как после всего этого сказать ему (почти что отцу родному) о своих подозрениях? Как спросить: постой-ка, Федор Филиппович, а нет ли у тебя в этом скользком дельце личного интереса? Уж очень много ты, генерал ФСБ с безупречной репутацией, знаешь вещей, о которых даже не подозревают представители официальных следственных органов! И кто таков был покойный Нимчук, тебе доподлинно известно, и знаешь, что в багажнике расстрелянного, превращенного в дуршлаг «шевроле» были не кирпичи и не запасные канистры с бензином, а деньги, и не просто деньги, а доллары, и не сколько-нибудь, а именно два миллиона – больше, видите ли, в багажник не влезает... Откуда у честного и неподкупного генерала ФСБ такая осведомленность? Скорород, например, следователю ничего подобного не сообщал – в протоколе допроса, по крайней мере, этой информации нет. Так что же, вы уже успели с глазу на глаз побеседовать? А может, вы давно знакомы, и землю ты, товарищ генерал-майор, роешь исключительно из уважения к старому приятелю? А может, не из одного только уважения? Может, обещан тебе небольшой процентик от возвращенной суммы? А?

Федор Филиппович окинул его долгим внимательным взглядом, но не стал заниматься чтением мыслей – по крайней мере, воздержался от озвучивания подозрений, в правдивость которых Неверов и сам не верил. Вместо этого он мягко сказал:

– Заметь, я ничего не утверждаю с уверенностью. Просто предположение, что там были деньги, кажется мне наиболее близким к истине. И еще мне сдается, что деньги эти вовсе

не были украдены, а транспортировались с ведома хозяина заведения, Павла Григорьевича Скорохода...

– Куда? – с тоской спросил Клим, не любивший, чтобы его, как маленького, водили за нос. – И зачем?

– Давай предположим, что это была взятка, – вкрадчивым голосом сказал Потапчук. – И даже не взятка, а просто ежемесячная выплата «крыше»...

– Хорошенькая «крыша», которая стоит два миллиона в месяц! – восхитился Клим.

– Да, – согласился Федор Филиппович, – «крыша» хорошая. Самая лучшая в России, а может, и на всем белом свете... Если, конечно, не принимать в расчет гипотезу о существовании Бога, – добавил он после секундного раздумья.

В лице Неверова что-то едва уловимо переменялось: оно будто отвердело, осунулось и разом постарело лет на пять. Поднявшись с кресла, он повернулся к окну, раздвинул планки жалюзи и посмотрел туда, где над хаосом крытых жестью, шифером и металлочерепицей крыш в просвете между стеклянными стенами двух недавно выстроенных шикарных суперсовременных небоскребов виднелась увенчанная золотым двуглавым орлом верхушка Спасской башни Кремля.

– Скандал в благородном семействе, – сказал Неверов, возвращаясь в кресло. – Так вот почему вы темните, товарищ генерал.

– Не хотелось посвящать тебя в эти подробности, – откликнулся Потапчук, – да, видно, чему быть, того не миновать. Чтобы добраться до истины, тебе все равно пришлось бы все это разноухать, так к чему попусту тратить время? Кроме того, подобные изыскания могут быть весьма опасными для здоровья. Лучше тебе знать все заранее, чтобы ты мог обходить топкие места стороной.

– Спасибо, – не испытывая ни малейшей благодарности, буркнул Неверов.

– Мы – люди военные, – напомнил генерал, правильно оценивая его тон. – Что же до сути рассматриваемого вопроса... Что ж, об этом болтают по всей Москве, но, сам понимаешь, дальше слухов дело не идет. Потому что – ну, кто возьмется эти слухи проверять?

– Да уж, – проворчал Клим и недоуменно пожал плечами. – Нет, я этого, хоть убейте, не пойму! Вы же сами сказали – полный багажник... Они что же, прямо так, среди бела дня, подгоняют машину к подъезду, открывают багажник и приступают к разгрузке?

– Разумеется, все происходит иначе, – вздохнул Федор Филиппович. – Времена, когда по коридорам Белого дома таскали картонные коробки с валютой, давно в прошлом, мы нынче цивилизованные... Точная схема мне неизвестна, но думаю, она существует и бумажные деньги лопатой никто не гребет. Тебе придется эту схему установить, выяснить до мельчайших подробностей, потому что на каком-то из ее участков произошла утечка информации, которая привела к фатальному исходу.

– Ненавижу искать чужие деньги, – признался Неверов, – особенно если они принадлежат людям, которые мне...

– Но-но, – предупреждающим тоном сказал Федор Филиппович. – Ты это о ком?

– О Скороходе, – невинно округлил глаза Неверов. – А вы?

– Скороход, к слову, вполне приличный дядька, – заметил Федор Филиппович. – Картины коллекционирует. У него, чтоб ты знал, самая богатая коллекция... «бубновых валетов» во всей Москве...

Клим заметил паузу, но из чувства противоречия не стал задавать вопрос, которого ждал генерал Потапчук: что это еще за бубновые валеты? Так называется игральная карта, и представляется вполне логичным, что в честь ее названа сеть казино, где в эти самые карты играют. Но кто коллекционирует карты, да не все вместе, колодами, а исключительно бубновые валеты? Ну, ладно, психов на свете хватает, но при чем здесь тогда, спрашивается, картины?

– Вот ваш приличный дядька, поди, сам себя и ограбил, чтоб денег на картины хватило, – мстительно заявил он.

– А знаешь, ты не одинок в этом предвзятом мнении, – усмехнулся генерал. – Есть целый ряд в высшей степени «приличных дядек», которые именно так и думают. Вот ты во всем этом и разберись. На конечный результат я тебя не нацеливаю – что выйдет, то и ладно. Правых в этом деле, думается мне, нет, кругом одни виноватые. Так что степень свободы у тебя высочайшая, но и ответственность при этом... сам понимаешь. В деле замешаны такие люди...

– И все как один приличные дядьки, – проворчал Неверов.

Потапчук снова усмехнулся, и в этой усмешке без труда угадывалась печаль человека, который все меньше понимает, кому и зачем служит.

– Знаешь, в чем главная беда так называемых приличных людей? – спросил он. – Все они стремятся во что бы то ни стало сохранить за собой право именоваться приличными, какие бы неблагоприятные поступки ни совершали.

– А мы им в этом должны помогать, – обманчиво легким тоном закончил Неверов.

– Помогать людям – наша святая обязанность, – вздохнул генерал. – С чего думаешь начать?

– Попробую найти снайпера, – сказал Неверов.

– Ого, – с уважением произнес Федор Филиппович. – Быка за рога? По мелочам не размениваешься, Шерлок Холмс?

– Надеюсь, это не так трудно, как кажется, – возразил Клим. – Есть свидетели, которые видели вблизи мест обоих происшествий одного и того же мотоциклиста. Правда, внешность у него была до того запоминающаяся и вместе с тем безлика, что это, скорее всего, маскарад. Но попробовать стоит.

– Ну, попробуй, – без особого энтузиазма сказал Потапчук.

Клим задумчиво кивнул и зажег новую сигарету, даже не подозревая, что в это самое мгновение буквально в паре километров от точки, в которой расположилось его удобное новое кресло, преисполненные служебного рвения люди в погонах с достойным лучшим применением мастерством и упорством рвут тонкую ниточку, потянув за которую он мог бы разом распутать весь клубок.

Глава 3

Специальный агент Федеральной службы из особого подразделения ликвидаторов Неворов не ошибался и даже не преувеличивал, утверждая, что московская милиция, когда ей этого очень хочется, может работать весьма эффективно. По воле случая вышло так, что делом о налете на принадлежавший казино «Бубновый валет» автомобиль изначально занялся человек, которому действительно хотелось довести это расследование до успешного завершения.

Человеком этим был старший оперуполномоченный убойного отдела МУРа майор Свинцов. Работником он был неплохим, грамотным и инициативным, однако начальство отчего-то уже много лет подряд держало его в черном теле – все тем же майором, все тем же старшим оперуполномоченным все того же отдела, – по известным только ему, начальству, причинам полагая, что там майору Свинцову самое место и что назначать его на более ответственную должность пока рановато.

Это «рановато» длилось год за годом, грозя растянуться до самой пенсии. «Убойный отдел» – это, конечно, звучит гордо, но расследованием по-настоящему громких дел, имеющих общественный резонанс, а значит, находящихся на контроле у самого высокого начальства и потому дающих инициативному работнику шанс проявить себя и продвинуться по службе, операм этого отдела приходится заниматься редко. Времена больших разборок и крупных заказных мокрух начали понемногу уходить в прошлое; террористические акты, махинации с водкой, наркотиками, золотом и бог знает чем еще – словом, все то, о чем шумят газеты и телевидение, – находились в ведении других отделов, подразделений и структур.

Сколько себя помнил, с самого детства, он мечтал иметь прозвище Свинец. И столько же, сколько он себя помнил, окружающие за глаза, а порою и прямо в лицо называли его Свином. Он делал вид, что не обижается: в дворовой кличке самое главное – краткость, чтобы человека было легко и удобно окликнуть, а «Свин», как ни крути, выговаривается быстрее и легче, чем «Свинец», но в глубине души он всякий раз болезненно вздрагивал, слыша это обидное прозвище. Хуже всего было то, что и теперь, в сорок три года, он то и дело улавливал это словечко в разговорах подчиненных, доносившихся сквозь закрытую дверь комнаты оперуполномоченных или с лестничной площадки, где эти бездельники устроили курилку.

Это была, в сущности, мелочь, но она чересчур хорошо укладывалась в безрадостную картину жизни майора Свинцова, внося в это серое, угрюмое полотно тоскливую определенность окончательного приговора.

Поэтому, когда, выехав со своими ребятами на очередной вызов, майор вместо одинокого жмурика с десятком ножевых ранений и вывернутыми карманами обнаружил изрешеченный пулями «шевроле» с тремя хорошо одетыми и притом вооруженными покойниками внутри, душа его возликовала раньше, чем рассудок успел осознать увиденное и прикинуть, какие блага сулит ему раскрытие такого дела.

Правда, немного поразмыслив, Свинцов пришел к выводу, что заработать упомянутые блага будет ох как нелегко. Налицо хорошо продуманное и тщательно организованное заказное убийство из тех, которые расследуются годами и чаще всего остаются нераскрытыми. Участие в деле снайпера служило тому лишним подтверждением; здесь поработали профессионалы, и, когда майор Свинцов это осознал, заманчивый образ пряника перед его мысленным взором живо сменился куда менее привлекательным, но более реальным образом кнута.

Начальство, по всему виду, рассуждало примерно так же, и дело, с самых первых минут представлявшееся стопроцентным «глухарем», с легким сердцем повесили на Свинцова. Подстегиваемый неудовлетворенным честолюбием и обидой, Свинцов стиснул зубы и набросился на работу, как голодный пес на мозговую кость. Он твердо решил расшибиться в лепешку,

но доказать, что способен распутать клубок, при виде которого все остальные сразу опустили руки.

К некоторому его удивлению, работа почти сразу начала приносить весомые плоды. Свидетелей, коих обычно днем с огнем не сыщешь, вдруг обнаружилось не то чтобы пруд пруди, но все-таки вполне достаточно для составления связной картины преступления. Буквально через несколько часов после начала расследования Свинцову уже был известен едва ли не каждый шаг налетчиков с того момента, как пуля снайпера заставила водителя черного «шевроле» выпустить из рук баранку.

Легкость, с которой продвигалось казавшееся обреченным следствие, показалась Свинцову подозрительной. Возникало впечатление, что налетчики вовсе не были такими уж крутыми профи, какими показались майору, да и не ему одному, с самого начала. Потом стало известно, что эти болваны ухитрились взлететь на воздух посреди Каширского шоссе. Узнав об этом, майор только пожал плечами: что ж, так и должно было случиться. Не бывает, чтобы все шло гладко, без сучка и задоринки; в любом деле нет-нет да и возникнет неприятная заковыка, о которую всякий уважающий себя сыскарь просто обязан споткнуться, чтобы не бежать к далекой цели чересчур быстро и ненароком не расшибить себе лоб, впопыхах налетев на настоящее препятствие, которое, если б не летел очертя голову, сумел аккуратно обойти.

Кроме того, на Каширке погибли всего лишь тупые исполнители, а Свинцову был нужен заказчик. И ему казалось, что он знает, как на этого заказчика выйти.

Двое свидетелей утверждали, что видели, как непосредственно после налета из арки соседнего двора выехал мотоциклист. Мотоциклист этот бросился обоим в глаза и хорошо запомнился, ибо относился к той категории участников дорожного движения, которых на центральных улицах Москвы нынче днем с огнем не сыщешь. Ехал он на древней, выпуска восьмидесятых годов прошлого века, «Яве-350»; его шлем и очки-консервы приходились ровесниками самому легендарному мотоциклу, да и офицерская плащ-накидка, спасавшая наездника от проливного дождя, вряд ли была хоть чуточку моложе. Один из свидетелей заметил привязанную к сиденью удочку в архаичном брезентовом чехле; другой зачем-то запомнил номер. Правда, этот, последний, немного путался в цифрах, но это не имело большого значения: номерной знак тоже был старый, выданный где-то в середине восьмидесятых, и Свинцов сомневался, чтобы в городе сохранилось много таких мотоциклов, зарегистрированных в то время и до сих пор продолжающих выползать на улицы.

В тот момент он не придал информации о мотоциклисте значения, подумав лишь, да и то мимоходом, что брезентовый чехол мог послужить неплохим вместилищем для винтовки, а древний мотоцикл, плащ и все остальное – отличной маскировкой. В самом деле, трюк был старым как мир: нацепи на лицо огромную черную накладную бороду, надень малиновый пиджак, и свидетели не запомнят ничего, кроме этой бороды и этого пиджака. Да и случайно встретившийся на пути инспектор ДПС вряд ли захочет выбираться из сухого и теплого салона патрульной машины под проливной дождь лишь затем, чтобы потолковать со старым дураком, которому приспичило в непогоду отправиться на рыбалку.

В то, что мотоциклист может и впрямь оказаться снайпером, Свинцов, конечно же, не верил: это было бы слишком большой удачей. Поэтому мотоциклиста он рассматривал лишь как возможного свидетеля, поручив недавно пришедшему в отдел стажеру пробить регистрационный номер железного Росинанта по компьютерной базе ГИБДД.

На следующий день, когда набравшее приличный ход расследование начало понемногу пробуксовывать, Свинцову позвонил странный и неприятный тип с Лубянки, которого ему навязали вчера под вечер непонятно в каком качестве. Тип, как оказалось, не терял времени даром. Ему, видите ли, показалась странной история с взорвавшимся на полном ходу газовым баллоном «ГАЗели», и он, не побоявшись промочить ноги в модельных туфельках, битых два часа бродил по мокрой траве вокруг места взрыва в поисках улики. И улика нашлась: тип с

Лубянки клятвенно заверил Свинцова, что располагает веским доказательством того, что газовый баллон грузовика взорвался не сам по себе, а был пробит винтовочной пулей.

Хотя данное известие ничуть не упрощало дела, а, напротив, ставило новые вопросы, ответов на которые у майора пока не было, Свинцов был вынужден признать, что фраер с Лубянки недаром ест свой хлеб. Надо же, какой дошлый! Нет, среди этих надутых индюков все-таки встречаются настоящие профессионалы...

Тут Свинцов кое-что вспомнил, и тип с Лубянки мигом вылетел у него из головы. Майор кинулся звонить в ГИБДД и спасателям. Не без труда ему удалось выйти на инспектора ДПС, который проводил опрос свидетелей на месте взрыва. Гаишник, немного поломавшись, поведал, что свидетелей, невзирая на плохую погоду, было хоть отбавляй: не менее десяти водителей и пассажиров, двигавшихся по Каширке в обоих направлениях автомобилей, видели, как грузовая «ГАЗель» вдруг без всякой причины, как в голливудском блокбастере, взлетела на воздух на стремительно разбухающем огненном шаре. Две легковушки, которым не посчастливилось в момент взрыва очутиться в непосредственной близости от нее, были отброшены взрывной волной в кювет; никто не пострадал, но невозможность своим ходом выбраться обратно на дорогу и покинуть место происшествия автоматически зачислила водителей и пассажиров в ряды официальных свидетелей.

Так вот, как минимум трое из них заметили стоявшую на обочине старую вишневую «Яву», а один ухитрился заметить, как из кустов ветрозащитной полосы вышел, оседлал мотоцикл и укатил, нисколько не интересуясь происходящей у него под носом огненной потехой, человек в брезентовой офицерской плащ-накидке, архаичном красном шлеме и ископаемых мотоциклетных очках. Была ли при нем удочка в чехле, свидетель не заметил, но это уже не имело значения: таких совпадений не бывает.

Осознав, что имеет в своем распоряжении словесный портрет снайпера (который, судя по его действиям, был гораздо ближе к заказчику, чем те, кто погиб во время взрыва на шоссе), майор бросился трясти стажера, которому поручил на всякий случай вычислить владельца «Явы».

При этом Свинцов ни на что особенное не рассчитывал. Снайпер работал профессионально, а значит, и мотоцикл, и все прочее представляли собой не более чем маскардный костюм, от которого этот душегуб наверняка давным-давно избавился. Мотоцикл наверняка был угнанный, а номер на нем – либо краденый, либо подобранный на свалке, либо просто поддельный, как на синем грузопассажирском «мерседесе».

Оказалось, что номер, похожий на тот, что, путаясь и сомневаясь, назвал свидетель, действительно значится в базе данных ГИБДД, что зарегистрирован под этим номером мотоцикл марки «Ява-350», а не какое-либо иное транспортное средство и что сообщения об угоне данного мотоцикла в милицию не поступало. Конечно, это тоже мало о чем говорило: мотоцикл могли сто раз продать по доверенности, подарить или просто выбросить за ненадобностью; в конце концов, его могли просто-напросто украсть из ветхого сарая, в котором он мирно ржавел на протяжении последних двадцати лет. А хозяин, который не заглядывал в упомянутый сарай в течение примерно такого же срока, поди, до сих пор не подозревает, что его рысака увели из стойла...

Все это были, увы, просто предположения, каждое из которых надлежало проверить. Посему один из оперативников Свинцова, недовольно ворча, сменил джинсы и спортивную куртку на форменный китель с капитанскими погонами и отправился на дом к владельцу мотоцикла под видом нового участкового, который знакомится со своими подопечными. В стандартный перечень задаваемых в подобных случаях вопросов входил и вопрос о наличии личного транспорта, так что прикрытие было, можно сказать, идеальное.

Еще трое оперативников были на всякий случай отправлены собирать информацию о владельце мотоцикла, то есть тосковать и килограммами глотать пыль, роясь в богом забытых архивах милицейского участка, поликлиники по месту жительства и районного военкомата.

Первым, как и следовало ожидать, вернулся липовый участковый. Встретиться с гражданином Твердохлебовым ему не удалось по той простой причине, что гражданина не оказалось дома. К счастью, за дверью соседней квартиры обнаружилась весьма разговорчивая дама преклонных лет, которая охотно поведала «участковому» все, что знала о своем соседе.

Военный пенсионер Иван Алексеевич Твердохлебов, как выяснилось, не умер и не переехал, а, как и прежде, проживал в принадлежащей ему двухкомнатной квартире на седьмом этаже старого, чтобы не сказать старинного, сложенного из желтого кирпича девятиэтажного дома на Ленинградском шоссе. Правда, в последнее время это так называемое проживание выражалось в основном в своевременном внесении платежей за коммунальные услуги да наносимых изредка нерегулярных визитах. С тех пор как около года назад у Твердохлебова умерла жена, бездетный военный пенсионер окончательно переселился на дачу, где и жил круглый год, навещаясь в город лишь затем, чтобы постирать в нормальных условиях крупные вещи, например постельное белье, посмотреть, в порядке ли квартира, внести упомянутые выше платежи и пробежаться по библиотекам и книжным магазинам. Ездил упрямый отставник на старом трескучем мотоцикле, который разговорчивая соседка недолюбливала за громкий звук и распространяемую по всему двору бензиновую вонь. Иногда мотоцикл был с коляской, иногда – без; эту красную трещотку соседка помнила столько же, сколько и самого Ивана Алексеевича Твердохлебова, и в ее сознании, судя по всему, военный пенсионер и его мотоцикл давно срослись в единое, неразрывное целое, наподобие слегка осовремененного кентавра.

От трескучего и воняющего бензином соседского мотоцикла словоохотливая дама естественно и плавно перешла к другим своим проблемам, коих у нее было предостаточно, так что мнимому участковому, который уже узнал все, что хотел, стоило немалых трудов от нее отделиться. Засим удачливый опер поспешил на Петровку, неся начальству в лице майора Свинцова сразу два лакомых кусочка: во-первых, известие о том, что в течение последнего десятилетия интересующий его мотоцикл ни разу не менял владельца, а во-вторых, название дачного поселка, в коем упомянутый владелец обитал в данный момент.

Впрочем, радоваться Свинцов не торопился. Во-первых, последний раз соседка видела Твердохлебова вместе с его мотоциклом около месяца назад. Месяц – долгий срок, на протяжении которого такой компактный и недорогой предмет, как старый мотоцикл, мог десять раз сменить хозяев. Во-вторых, если военный пенсионер Твердохлебов и был таинственным снайпером, в силу никому не известных причин отправившимся выполнять заказ на своем собственном и притом весьма приметном транспортном средстве, глупо было рассчитывать, что он до сих пор спокойно сидит у себя на даче и ждет прибытия группы захвата. Профессионалы так не поступают, а меткость, с которой снайпер всего двумя выстрелами отправил к праотцам пять человек, свидетельствовала об его высоком профессионализме. Тут что-то не срасталось; модное словечко «киллер» плохо увязывалось с тарахтящей «Явой», ветхой брезентовой плащ-накидкой и возделыванием шести соток. Заказное убийство – весьма доходный промысел, и профессиональный стрелок в повседневной жизни может позволить себе как минимум обзавестись приличным автомобилем.

Пока Свинцов ломал голову над всеми этими странностями, вернулся оперативник, который наводил справки о Твердохлебове в районном военкомате. Принесенные им известия еще больше запутали и без того сложную картину.

Оказалось, что военный пенсионер Твердохлебов не какой-нибудь отставной прапорщик или капитан, всю жизнь мотавшийся по захолустным гарнизонам и обучавший новобранцев отличать правую ногу от левой, а приклад от дула, а матерый, прошедший огонь, воду и медные трубы ветеран уже основательно подзабывшейся афганской бойни. Он был командиром

десантно-штурмового батальона и дрался на самом переднем крае едва ли не с первого дня той бесславной войны. О том, что майор Твердохлебов не отсиживался по штабам и складам, свидетельствовали не только многочисленные боевые награды, но и восемь значившихся в его послужном списке ранений, три из которых были тяжелыми.

Узнав об этом, майор Свинцов призадумался. Образ Твердохлебова в его сознании по-прежнему скверно совмещался с образом типичного наемного убийцы. Но, с другой стороны, офицер ДШБ, в отличие от какой-нибудь тыловой крысы, наверняка умеет виртуозно управляться с любым оружием, в том числе и со снайперской винтовкой. А для десантника, прошедшего через пыльный ад афганской войны, ценность человеческой жизни равняется нулю, и шлепнуть кого-нибудь ему – все равно что плюнуть.

И все-таки на киллера бывший десантник не походил. Прежде всего, он был беден как церковная крыса; по словам соседки, жена его умерла исключительно потому, что Твердохлебов не сумел собрать деньги на операцию, которая могла бы ее спасти. Если бы его скромный быт являлся просто ширмой для отвода глаз, в такой ситуации он наверняка нашел бы, как объяснить окружающим внезапное появление в его распоряжении крупной суммы: одолжил, взял кредит, получил безвозмездно в дар от хорошего человека, пожелавшего остаться неизвестным... Но упомянутая сумма так и не возникла, хотя, по словам все той же соседки, в жене Твердохлебов души не чаял и после ее смерти сильно переменялся – осунулся, почернел и почти перестал разговаривать, хотя до этого был очень милым собеседником.

Обдумывая полученную информацию, майор Свинцов между делом, просто чтобы не оставлять белых пятен, отправил двух оперов в рейд по библиотекам, расположенным в районе Ленинградки. Соседка Твердохлебова упоминала о том, что, бывая в городе, военный пенсионер посещает библиотеки, а коль скоро эта деталь запомнилась даже такой старой вороне, можно было предположить, что в библиотеку Иван Алексеевич ходит часто и книги берет не по одной и даже не по две, а пачками, которые нетрудно заметить во время подглядывания за соседями из окна или, скажем, через дверной глазок.

Собственно, это была несущественная мелочь, но Свинцову как-то вдруг, по наитию, подумалось, что книги, которые человек читает, могут послужить дополнительным психологическим штрихом к его портрету. Кроме того, оперативники, уверенные, что занимаются полной ерундой, мешали ему думать, высказывая – в шутку, разумеется, – дикие, ни с чем не сообразные версии.

Затем вернулись люди, посланные майором в поликлинику и отделение милиции. В милицеских анналах военный пенсионер Твердохлебов упоминался только единожды: примерно полгода назад его повязали за нарушение общественного порядка. В общем-то, история с отставным майором вышла вполне обыкновенная: выпил лишнего, повздорил с охранником, не пустившим его в приличное заведение, и крепко побил упомянутому охраннику лицо. (При этом известии майор Свинцов ухмыльнулся, представив, каково было изумление этого надменного, обросшего накачанным в тренажерном зале мясом славянского шкафа с антресолями, когда уже немолодой и скромно одетый гражданин, явный лох, вдруг, не говоря плохого слова, уделал его, как новорожденного котенка.) Засим, не имея под рукой ни булыжника, который прославил себя как оружие пролетариата, ни обломка кирпича, ни хотя бы пустой бутылки, бравый отставник схватил стоявшую у входа никелированную мусорную урну и попытался вышибить ею зеркальную дверь. Тонкая жесть помялась, прочное стекло устояло, а набежавшее на помощь охраннику подкрепление скрутило драчливого воина-интернационалиста и с облегчением сдало его наряду милиции.

Материальный ущерб, таким образом, свелся к слегка помятой урне; что же до ущерба морального, то побитый охранник, сунувшийся было в милицию с заявлением, раздумал преследовать обидчика по закону, когда узнал, с кем имеет дело. Бывший майор переночевал в «обезьяннике», а наутро после краткой разъяснительной беседы был отпущен восвояси. Осо-

бенно сильно прессовать его не стали – во-первых, из уважения к славному прошлому, а во-вторых, ввиду того, что военный пенсионер Твердохлебов едва ли не с самого момента демобилизации состоял на учете в психоневрологическом диспансере. Из армии он был уволен по ранению, и не просто по ранению, а вследствие тяжелой контузии, из-за которой с ним порой случались припадки. Во время таких припадков бывший майор становился неуправляемым и прямо-таки рвался в бой; справляться с ним умела только покойная жена, и, когда после ее смерти Твердохлебов переселился за город, все вокруг вздохнули с нескрываемым облегчением.

Короче, история и впрямь вышла самая обыкновенная – вся, целиком, за исключением одной малюсенькой, но немаловажной детали. Деталь же была следующая: заведение, которое пытался взять штурмом военный пенсионер Твердохлебов, было одним из филиалов сети игорных заведений «Бубновый валет».

Оперативник, принесший это известие, весь дрожал от возбуждения, как охотничий пес, напавший на след дичи. Настроение в отделе разом переменялось: только круглый дурак в такой ситуации мог не понять, что у них наконец-то появился реальный подозреваемый – возможно, и впрямь убийца, на чьем счету было минимум пять трупов, или, на худой конец, тип, очень подходящий на роль козла отпущения.

Правда, энтузиазм самого майора Свинцова при этом известии резко пошел на убыль. Совокупность известных фактов указывала на то, что посадить Твердохлебова теперь – всего лишь дело техники. Но, увы, это был совсем не тот подозреваемый, о котором втайне мечтал майор. Полоумный отставник, устроивший бойню из мести, – это вам не киллер-профессионал, провернувший заказное убийство! В сущности, это «преступление века» – этот неожиданно-негаданно свалившийся в руки майору подарок судьбы – ныне представлялось все той же бытовой мокрухой на почве личной неприязни, только на первый взгляд напоминавшей дело, способное вызвать широкий общественный резонанс.

А с другой стороны, раскрытое преступление, в котором фигурируют семь покойников, – это, как его ни назови, много лучше заведомого «глухаря». Да и потом, при чем тут бытовуха? А два миллиона куда подевались? Одно из двух: либо их прикарманил Твердохлебов, либо никаких денег в машине никогда не было и владелец казино пытается под шумок погреть руки. Словом, как ни поверни, а дело все равно крупное – если не крупное ограбление, то крупное мошенничество.

К концу рабочего дня в отдел вернулись оперативники, посланные Свинцовым по библиотекам. Они еще ничего не понимали и потому пребывали в самом дурном, злобно-саркастическом расположении духа: библиотекариши, с которыми им довелось встретиться, все до одной оказались очкастыми гримзами – либо старыми, либо молодыми, но при этом страшными, как Третья мировая война, – а список книг, которые отставной майор-десантник регулярно брал в двух близлежащих библиотеках, навел обоих милиционеров (причем независимо друг от друга) на мысль, что они имеют дело с полным идиотом, ни разу в жизни не нюхавшим пороха и купившим удостоверение «афганца» в подземном переходе.

Бывший майор-десантник в невероятных количествах поглощал боевики – те самые, в которых герой-одиночка, обвешавшись огнестрельным оружием, бесстрашно выступает против зла, какое бы обличье оно ни принимало, и неизменно одерживает победу.

Майору Свинцову мигом стало все ясно; последний штрих, наложенный на психологический портрет подозреваемого, оказался весьма и весьма выразительным. От такого чтива запросто свихнется даже человек с устойчивой психикой; что уж говорить об инвалиде, у которого и так не все в порядке с головой! Свинцову мигом вспомнился случай, имевший место пару лет назад на одном из подмосковных шоссе. Отставной полковник ГРУ (тоже, по всей видимости, не то начитавшись подобной, с позволения сказать, литературы, не то насмотревшись телевизионных сериалов соответствующего содержания) поссорился с соседом по даче

и не придумал ничего умнее, как засесть в кустах у дороги и оттуда, из кустов, прострелить колесо мчавшегося на бешеной скорости соседского «мерседеса». Полковника вычислили и взяли; что стало с ним дальше, Свинцов не знал, но вряд ли, ох вряд ли его обучили сначала грозить соседям оружием, а потом пускать его в ход, именно в ГРУ! Скорее это сделали плохие книжки, заставившие его уверовать в то, что одиночка в наше время и впрямь может хоть чего-то стоить, что-то изменить, нагнать на кого-то настоящего страху...

То же, по всей видимости, произошло и с отставным майором ВДВ Твердохлебовым. Началось с глупого недоразумения – охранник не пустил в казино; затаенная злость разрослась и окрепла на почве психического отклонения и дурацкого чтива, и готово: нанял за ящик водки четырех отморозков, объяснил им, что делать, и понеслось...

Все эти предположения могли и не соответствовать действительности. Ясно было одно: с Твердохлебовым придется обстоятельно потолковать.

Придя к такому выводу, весьма гордый своей расторопностью и проницательностью майор Свинцов отправился на доклад к начальству, пока оно, это самое начальство, не смылось домой по случаю наступления вечера, да не просто вечера, а вечера пятницы – то бишь, как выражаются англоязычные народности, уикенда. Вот тут-то его и подждал настоящий сюрприз: войдя в кабинет, он увидел, что начальство держит в руке телефонную трубку, и тут же, еще не успев ничего сказать, узнал, что явился очень кстати, ибо начальство как раз собиралось позвонить ему, дабы пригласить для серьезного разговора. Суть разговора, как выяснилось, была проста: у Свинцова отбирали дело, которое он, можно сказать, уже раскрутил, и требовали незамедлительно передать все собранные материалы тому самому типу с Лубянки, который с самого начала расследования путался у майора под ногами.

Возражать и спорить, естественно, было бесполезно. Свинцов коротко и сухо ответил: «Есть», а на вопрос начальства, что ему уже удалось нарыть, с умело разыгранным унынием сообщил, что расследование зашло в тупик, выхода из которого пока не видно. «Вот и радуйся, – резонно заметило начальство. – Пускай теперь умники с Лубянки в этом дерьме ковыряются, а нам и горя мало: баба с воза – кобыле легче».

Свинцов согласился бы с этим замечанием при иных обстоятельствах, но только не теперь, когда один из главных фигурантов дела был у него, можно сказать, в кармане. «Победителей не судят», – решил майор, и это было одно из тех решений, которые, представляясь в момент принятия не только верными, но и едва ли не единственно возможными, впоследствии оказываются роковыми.

Сыроежка была червивая. Это было видно даже издали по обгрызенной, изъеденной слизняками, давно потерявшей первоначальную яркость шляпке. Но грибов в лесу сегодня было немного – как раз столько, чтобы грибник, вышедший на свою тихую охоту, не мог, с одной стороны, плюнуть на все и уйти восвояси с пустыми руками, а с другой – был вынужден кланяться каждой сыроежке, даже если был на девяносто процентов уверен в том, что она давно сгнила на корню.

Он наклонился. Сточенное до узенькой полоски лезвие старого перочинного ножа тускло блеснуло в пробивавшемся сквозь кроны сосен солнечном свете. Трухлявая шляпка отвалилась при первом же прикосновении, открыв на срезе гнилое, кишашее червями нутро.

Иван Алексеевич рассеянно вытер лезвие о зеленый пружинящийся мох и уже хотел разогнуться, когда приметил метрах в двух правее выглядывающую из-под мха ярко-рыжую шляпку размером с советский железный полтинник, а может быть, и с рубль. В полуметре от нее виднелся краешек еще одной такой же рыжей шляпки, и можно было предположить, что где-то поблизости, в радиусе двух-трех метров, под мшистым зеленым одеялом притаились другие.

– Ага, – сказал Иван Алексеевич, – здравствуйте пожалуйста! Видишь, сержант? А ты говорил – ни хрена нет, ни хрена нет...

На какое-то мгновение он замер, услышав звуки собственного голоса, казавшиеся абсолютно неуместными в этом безлюдном лесу. Собственно, в произнесенной им фразе не было ничего особенно странного или тем более страшного. Бродя в одиночестве по лесу, люди, наделенные хотя бы малой толикой воображения, часто ведут мысленные беседы с воображаемыми собеседниками, время от времени, чтобы не скучать, произнося что-нибудь вслух. Но, когда Иван Алексеевич хвастался своей находкой перед сержантом, которого здесь не было и быть не могло, он был уверен, что его собеседник здесь, рядышком. Он видел его так же ясно, как вот эту трухлявую сыроежку и лукаво подмигивающие лисички, – высокого, сухопарого и гибкого, как волейболист, с растрепавшимися русыми вихрами, с привычной, немного насмешливой улыбкой на носатой физиономии, с сигаретой в уголке широкого рта и прищуренным от дыма левым глазом. Он не выглядел фантомом, явившимся прямиком из прошлого. Вместо выгоревшей на солнце «афганки» с сержантскими погонами на нем были новенький непромокаемый камуфляжный костюм из магазина «Охотник – рыболов», пятнистая панاما того же происхождения и резиновые сапоги; в левой руке сержант держал синее пластмассовое ведерко с горстью сыроежек и лисичек на дне. О прошлом напоминал только его неразлучный финский нож с выбитым на рукоятке гербом Третьего рейха. Этим самым ножом много лет назад сержанта Сухова пытался прирезать один бородатый ловкач в скрученной из грязного полотенца чалме. Сержант в тот раз оказался ловчее, бородач отправился к своему аллаху, а его финка досталась «товарищу Сухову», как звали его все во взводе, в качестве памятного сувенира, который со временем сделался чем-то вроде талисмана.

Иван Алексеевич на всякий случай огляделся по сторонам, точно зная, что никого не увидит. Естественно, никакого «товарища Сухова» в пределах видимости не обнаружилось. Мертвые не возвращаются с того света, чтобы сходить по грибы; просто на него опять, что называется, нашло, и хорошо, что это случилось в лесу, а не на людях.

– Я ж тебе говорил: после такого ливня лисички в лесу должны быть, – приседая на корточки возле ближайшей рыжей шляпки обратился он к отсутствующему сержанту. – Вот сейчас вернемся, зажарим их с лучком и схарчим под водочку... Ведь сто раз тебе повторяли: не спорь с командиром! Параграф первый: командир всегда прав. Параграф второй: если командир не прав, смотри параграф первый...

Эта натужная тирада показалась ему самому донельзя фальшивой и неуместной. Вокруг не было никого, кого она могла бы обмануть, за исключением самого Твердохлебова, а чтобы обмануть себя, ему следовало придумать что-нибудь похитрее.

Раздвинув влажный мох, он срезал лисичку, потом еще одну и еще. Лисички, как обычно, росли кучно, продолговатой дугой. Убедившись, что нашел и собрал все, Иван Алексеевич заглянул в лукошко. Грибов было маловато для того, чтобы хвастаться добычей, но в самый раз, чтобы нажарить средних размеров сковородку и хорошенько перекусить. Он любил жареные грибы: их вкус напоминал о детстве и недурно разнообразил скудное меню живущего на скромную пенсию вдовца. Кроме того, бродя по лесу с лукошком, Иван Алексеевич успокаивался и приходил хотя бы в частичное согласие с окружающим его миром.

В лесу ему было лучше, чем в дачном поселке, а на даче – лучше, чем в городе. Поселок был старый, малолюдный и, что называется, не престижный. Хорошая половина домов в нем пустовала, а те, что не пустовали, были заняты вполне приличными, с точки зрения Ивана Алексеевича, людьми – такими же, как он, военными пенсионерами, их женами или, на худой конец, взрослыми детьми. Были здесь и пришлые люди, в разные времена купившие себе дачи по относительно низким ценам; кого здесь отродясь не водилось, так это мусульман – тех, кого Иван Алексеевич поголовно, без разбора именовал душманами или просто духами. Он и из города-то сбежал не просто так, а от греха подальше, чтобы однажды, очнувшись от короткого, яркого сна наяву, не обнаружить себя стоящим посреди людной улицы над свеженьким трупом какого-нибудь ни в чем не повинного таджика или узбека. Впрочем, «ни в чем не повинный» –

понятие растяжимое. Если упомянутый таджик, он же узбек, за всю свою жизнь не убил ни одного русского солдата, так это только потому, что ему не представилось удобного случая. Сложись судьба данного таджика (или узбека) чуточку иначе, он с наслаждением взял бы в свои коричневые лапы не мастерок или валик для краски, а старый добрый АКМ и занимался бы не строительством и ремонтом особняков «новых русских», а отстрелом мальчишек, призванных на срочную службу.

Умом Иван Алексеевич понимал, что, наверное, не прав, но предпочитал на всякий случай держаться от «духов» подальше, потому что после давней контузии далеко не всегда был в состоянии следовать голосу рассудка. Он полагал, что это все от расшатавшихся за восемь лет войны нервов. Увы, врачи считали иначе, и со временем Твердохлебов перестал с ними спорить: в конце концов, должны же эти коновалы хоть за что-то получать деньги!

Врачей Иван Алексеевич Твердохлебов, мягко говоря, недолюбливал – может быть, не так сильно, как мусульман, но тоже изрядно. Причин тому было несколько, и Иван Алексеевич ничуть не затруднился бы перечислить их все по порядку, даже будучи разбуженным посреди ночи.

Во-первых, он не любил врачей за то, что те несколько раз подряд спасали ему жизнь. То есть, когда спасали, он был им благодарен, потому что не знал, дурень, КАКУЮ жизнь они ему сохраняют. Если б знал – перегрыз бы глотку первому подвернувшемуся под руку извергу в белом халате, отобрал бы у кого-нибудь скальпель и быстренько вскрыл себе сонную артерию.

Во-вторых, именно они, добрые айболиты, записали его в психи и комиссовали, прилепив позорную инвалидность. Именно с этого, по твердому убеждению Ивана Алексеевича, начались все его беды. Запись в истории болезни – чепуха, но ведь они, мерзавцы, ухитрились убедить всех вокруг, даже жену, в том, что он, Иван Твердохлебов, – ненормальный!

Жена умерла именно из-за этой уверенности, в этом Иван Алексеевич не сомневался ни минуты. Она до последнего скрывала свою болезнь, не желая его волновать, а потом, когда делать вид, что ничего не происходит, уже не осталось сил, тихо угасла в течение какой-нибудь недели. У него осталась квартира, дача и мотоцикл; даже продай он все это и последнюю рубашку в придачу, денег на операцию все равно не хватило бы, но, пребывая в блаженном неведении, он ДАЖЕ НЕ ПОПЫТАЛСЯ! А эти коновалы, в свою очередь, до самого последнего момента скрывали от него свое бессилие.

Интересно получается: за деньги можем, а без денег – увы, увы... Клятву Гиппократата они давали, сволочи...

Он ненавидел их деланое участие и подленькую увертливость, ненавидел профессиональную уверенность, с которой они, напустив на себя умный вид, изрыгали глупости по поводу состояния его здоровья. Когда он жил в городе, их визиты были регулярными, и это послужило еще одной причиной его побега на лоно природы. Ему все чаще приходило в голову, что этим дело не кончится: рано или поздно наступит день, когда придется разорвать последнюю связь с цивилизацией и навсегда уйти в лес, чтобы больше не видеть людей, которые все больше превращались в банду буйных идиотов. Да-да, именно так и не иначе: Иван Алексеевич Твердохлебов был нормален, это мир вокруг медленно, но верно сходил с ума.

Иван Алексеевич оставался одним из немногих, у кого хватало силы воли и упрямства сохранять здравомыслие и верность принципам в творящемся вокруг бедламе. Он жил на даче, возделывал огород, собирал грибы, ездил на старенькой, трескучей, чиненой-перечиненой «Яве», ловил рыбу (удочкой и спиннингом, а не донками и сетями, как это нынче стало модно) и долгими вечерами читал взятые в библиотеке детективные боевики. Авторы писали эту белиберду быстрее, чем Иван Алексеевич успевал ее прочитывать, и это была, пожалуй, единственная примета времени, которая его целиком и полностью устраивала. Отождествляя себя с непобедимыми героями, Твердохлебов начинал чувствовать что-то вроде надежды – а может, мир все-таки состоит не только из одного дерьма? А вдруг он не один, вдруг такие люди

действительно существуют? Ведь были же они рядом с ним в Афгане, ведь не все же погибли, умерли, покончили с собой, продались за грязные буржуйские деньги!..

Хотя как знать. Даже Серега Сухов незадолго до смерти стал почти таким же, как все, а кое в чем, пожалуй, и хуже. Уж как Иван Алексеевич его просил, как уговаривал остановиться, пока не поздно! Даже приказывать пытался, но времена давно переменялись, и авторитет боевого командира, по всему виду, превратился для сержанта Сухова в пустой звук. Для него были важнее другие авторитеты – зеленые, с портретами американских президентов. И результат, как водится, не заставил себя долго ждать. Эх, боец, боец! Где ты сейчас, каково тебе там?

Иван Алексеевич поднял голову и сквозь ажурный полог сосновых ветвей посмотрел в безоблачное голубое небо, словно и впрямь рассчитывая встретиться взглядом со своим взводным сержантом Сергеем Суховым. Увы, даже если «товарищ Сухов» в данный момент взирал на бывшего майора Твердохлебова из заоблачных высот, Иван Алексеевич этого не заметил, что, по его мнению, служило лишним подтверждением его полной вменяемости: если б он был не в себе, так сейчас непременно увидел бы среди небесной голубизны знакомое смешливое лицо на фоне широких белых крыльев...

– С небес слетает он, как ангел, зато дерется он, как черт, – пробормотал Иван Алексеевич старую присказку про десантника и, тяжело вздохнув, тронулся в обратный путь.

По дороге он опять обдумывал идею окончательно переселиться в лес, которая казалась ему все более заманчивой. Времени до осенних дождей и холодов было еще хоть отбавляй, что позволяло наладить какой-никакой, пусть самый спартанский, быт и сделать запасы на зиму. А что? Ведь это ж подумать только, что бывает такое блаженство: на многие километры кругом только деревья, птицы, лесное зверье и ни одной, ну, ни единой человеческой рожи!

Оставалось только расплатиться по счетам. Майор Твердохлебов – не какой-нибудь там шаромыжник, а советский офицер. А советский офицер всегда вовремя и сполна отдает долги и никому не позволяет плевать себе в физиономию. И еще: сам погибай, а товарища выручай. А если выручить не удалось, хотя бы отомсти тем, кто виновен в его смерти...

Иван Алексеевич уже начал платить по длинному счету, который весь, до последней запятой, хранился в его памяти. То, что было блестяще начато в центре Москвы, а затем аккуратно и вполне логично завершено на Каширском шоссе, являлось только первым в длинной серии запланированных платежей. Всех деталей плана Твердохлебов не знал, да его это и не интересовало: в начавшейся шахматной партии он был не игроком, а всего лишь фигурой, хотя и крупной. Пожалуй, он был ферзем, который только что взломал оборону противника, снеся с доски несколько черных пешек. Это было проделано блестяще, и теперь белый ферзь отдыхал на запасной позиции, ожидая, когда опять наступит его очередь сделать ход. Шахматы – великая игра, и главная ее прелесть заключается в том, что короля в ней не уничтожают физически, а загоняют в крысиный угол, откуда нет выхода, и вынуждают позорно капитулировать. Не так давно, что-то около полугода назад, мат поставили Сергею Сухову, и теперь его бывший командир твердо намеревался проверить, так ли хорош игрок, который это сделал.

Он прошел мимо тропинки, в конце которой из кустов выглядывали металлическая сетка ограды, распахнутая настежь калитка и шиферные крыши дач. Идти через поселок ему не хотелось – это означало встречаться с людьми и, быть может, даже поддерживать какие-то ничемные разговоры. Например, про грибы – что вот-де, погода стоит, казалось бы, самая что ни на есть грибная, и рожь уже вышла в колос, а белых все нет как нет, да и сыроежки что-то не торопятся...

Описав длинную дугу лесом, Твердохлебов вышел к заброшенному пионерскому лагерю. Утонувшие в кустах и березовом молодняке двухэтажные корпуса из силикатного кирпича слепо тарасили пустые оконные проемы. Все, что можно было из них выломать, было выломано; все, что можно было уволочь, давно уволокли. Кто-то не поленился вырыть из земли даже силовые кабели и трубы – не только водопроводные, но и, черт возьми, канализационные,

и теперь среди высокой травы тут и там опасно зияли до половины заполненные тухлой стоячей водой, заваленные мусором траншеи.

Он шел, поглядывая по сторонам, – здесь, в лагере, неплохо росли подберезовики и сыроежки, – но тут уже кто-то прошелся до него, и Твердохлебову попадались лишь белеющие пеньки да перевернутые червивые шляпки. Среди травы и почерневших прошлогодних листьев там и сям валялись яркие шарики – желтые, оранжевые, голубые и даже двухцветные: пустующие каменные постройки облюбовали игроки в пейнтбол, для которых здесь было настоящее раздолье. Они приезжали из города шумными компаниями на трех – пяти машинах, ставили их всегда в одно и то же место на обочине, некоторое время с гиканьем бегали по лагерю, паля друг в друга из заряженных желатиновыми шариками с краской пневматических маркеров, а после, перекусив и обменявшись впечатлениями, уезжали обратно в город. Одно время эти любители пострелять друг в друга (их бы на недельку в Афганистан или, на худой конец, в Чечню, чтоб раз и навсегда отбить охоту целиться в людей даже из пальца) повадились оставлять после себя груды мусора и пустых бутылок, но с этим Твердохлебов разобрался быстро. Пару раз изорвав в клочья покрышки своих дорогих авто на хитро замаскированных в траве, ошестинившихся острыми гвоздями досках, «стрелки» поняли намек и стали убирать за собой, старательно поднимая с земли и увозя в город даже окурки.

В частично заслоненном кустами просвете между двумя лагерными корпусами мелькнул кусочек дороги. Игроки в пейнтбол стояли около своих машин и, пересмеиваясь, натягивали поверх одежды непромокаемые камуфляжные штаны и куртки, примеряли диковинного, футуристического вида шлемы с прозрачными пластиковыми забралами. Камуфляж у них был двух расцветок – у одной команды зелено-коричневый, армейский, а у другой – серочерный, милицкий. До Твердохлебова донесся лающий голос организатора данного увеселения, который, корча из себя большого начальника и крутого парня, с ненужной, сильно утрированной грубостью проводил инструктаж. «Дорвался, козел, – неприязненно подумал об инструкторе Твердохлебов. – Небось вспомнил, как его сначала сержанты в учебке, а потом деды в части пресовали, а теперь отрывается на дураках за их же денежки...»

Продравшись через густую заросль березового молодняка на месте бывшей спортивной площадки, Иван Алексеевич спустился с заросшего косогора по размытой, почти превратившейся в настоящий овраг дороге и свернул направо, к своей даче. Его дом стоял на краю заливного луга, над рекой, и был третьим с краю. Дачи вокруг него пустовали; на одну из них время от времени приезжали хозяева, остальные были заброшены уже много лет подряд. Твердохлебова такое положение вещей вполне устраивало, ибо позволяло жить, почти не видя людей. В самом деле, дачный поселок был, можно сказать, уникальным в смысле малонаселенности; глядя из окна своей дачи, Иван Алексеевич, как какой-нибудь граф, видел заливной луг, реку и лес на другом берегу, а вовсе не уставленные в зенит зады соседей.

В силу перечисленных выше причин Иван Алексеевич немного удивился, увидев стоящую посреди их пыльной и ухабистой, заросшей высокой сорной травой улочки машину. Машина представляла собой белый микроавтобус марки «форд»; приглядевшись, Твердохлебов увидел, что «форд» стоит не где-нибудь, а прямо перед его крыльцом и что из-за его широкой кормы выглядывает краешек багажника какого-то легкового автомобиля.

– Эге, – вполголоса произнес бывший майор ВДВ, командир десантно-штурмового батальона Твердохлебов и, боком скользнув в заросли облепихи, заполонившей пустующий соседний участок, двинулся по широкой дуге, заходя в тыл своей дачи.

Глава 4

Была суббота, десять тридцать утра, когда обуреваемый честолюбием, охотничьим азартом, а также иными как более, так и менее благородными чувствами майор уголовного розыска Свинцов отдал по радиации приказ разворачиваться.

Предпринятая майором авантюрная вылазка стала возможной по двум причинам: во-первых, у него сегодня был выходной, а значит, начальство, по крайней мере теоретически, не должно было его хватиться; во-вторых же, майора связывала давняя дружба с капитаном ОМОНа Назмутдиновым, коего равные ему по званию коллеги, а также приятели, не имевшие чести служить в милиции, для краткости именовали просто Наза. Как-то раз, тому уж лет пять, если не все шесть, капитан Наза, мужчина крепкий и ловкий, но, увы, не слишком сообразительный, от большого ума встрял в очень некрасивую историю. Светило ему тогда как минимум увольнение из органов, причем не по собственному желанию, а с большим треском, с помпой – словом, наглядно-показательное; о том, что ожидало бравого капитана «как максимум», лучше было вообще не думать. Свинцов, который в ту пору был с ним едва знаком, посчитал небесполезным иметь в ОМОНе своего человека и умело, по всем правилам искусства, отмазал попавшего впросак капитана. Сделано это было ценой немалых усилий и жертв; жертвы были, разумеется, из числа мирного населения: какой-то алкаш, не сумевший вспомнить, где и как провел ночь, сел на восемь лет. Свинцов по этому поводу не переживал: в приговоре упоминалось принудительное лечение от алкоголизма, а это было именно то, что требовалось осужденному. Если бы не срок, тот, скорее всего, уже через год загнулся бы от цирроза печени или просто захлебнулся во сне собственной блевотиной. Так что майор Свинцов с чистой совестью мог утверждать, что спас не одного, а сразу двух человек.

Но бог с ним, с алкашом, что о нем вспоминать! В конце концов, кто виноват? Не хочешь становиться козлом отпущения – не напивайся до беспамятства, а еще лучше вообще не пей и фиксируй каждый свой шаг – в письменной форме, за подписями трех законопослушных свидетелей и с печатью нотариуса.

Словом, с тех пор майор Свин и капитан Наза подружились. Дружба их была накрепко сцементирована хорошо припрятанным компроматом – с мясом выдранными из дела свидетельскими показаниями, интересными фотографиями и иными бумажками, которые, при всей своей легковесности, могли утащить омовца на дно.

Поэтому, когда Свинцов позвонил приятелю по телефону и сообщил, что завтра с утра ему потребуется десяток бойцов в полной выкладке, Назмутдинов даже не пикнул. Утром в условленном месте Свинцова поджидал набитый омовцами, как стручок горошинами, белый пассажирский микроавтобус «форд» с удлиненной базой и с хмурым Назой на переднем пассажирском сиденье.

Они немного поплутали по пыльным проселкам, отыскивая забытый богом дачный поселок, дважды заезжали в какие-то глухие лесные тупики (причем один раз «Волга» с оперативниками Свинцова безнадежно застряла в гигантской луже, и ее пришлось выволакивать оттуда на буксире), наглопались пыли, промочили ноги, крепко пострадали от комаров и порядочно остервенели. Но все когда-нибудь кончается, и, покинув Москву в семь утра, в десять двадцать семь они прибыли на место. Сняв с приборного щитка «Волги» укрепленную в уютном пластиковом гнездышке рацию, Свинцов отдал приказ разворачиваться. Омовцы покинули стоящий под прикрытием буйно разросшихся кустов облепихи автобус, по одному бесшумно нырнули в колючие заросли и, казалось, растворились там, как рафинад в крутом кипятке.

Свинцов кивнул водителю, и «Волга» осторожно, на первой передаче, подвывая движком, крякая амортизаторами и то и дело с глухим стуком цепляя брюхом какие-то бугры, подползла к воротам дачи, которая, согласно оперативным данным (то есть по словам одного

из аборигенов), принадлежала отставному майору Твердохлебову. Тормоза взвизгнули, как крыса, которой прищемили хвост; водитель до конца опустил стекло и выставил в окошко простодушную загорелую физиономию.

– Эй, – позвал он, – народ! Живые есть?

В ответ чирикнула какая-то пичуга. Она сидела на столбе линии электропередачи, с любопытством разглядывая незваных гостей. Это была ласточка или, возможно, стриж – Свинцов скверно разбирался в этих орнитологических тонкостях. Над дачей, широко распахнув огромные крылья, беззвучно спланировал в сторону заливного луга аист.

– Не нагадил бы сверху, – озабоченно сказал, втягивая голову обратно в машину, водитель. – Была охота капот отмывать! Вы видали, как эта пташка какает? Я видел. Одним махом добрых полведра удобрения! Если с хорошей высоты долбанет – ей-богу, в крыше вмятина получится... Не отзываются, – оборвав себя, сказал он, перехватив хмурый взгляд Свинцова. – Дома, что ли, никого нет?

Свинцов посмотрел на ворота. Ворота, как и забор, были криво сколочены из набитых в два ряда, потемневших от непогоды досок. Доски были струганные, обрезные; кое-где на них еще можно было разобрать оттиснутые черным по трафарету надписи – какие-то «брутто», «нетто», «Moscow» и даже «Frankfurt». Перед этим забором, производившим такое впечатление, будто его строили ночью, впотьмах и в огромной спешке, точно зная, что на рассвете дача подвергнется неприятельскому штурму, стоял другой – низенький, аккуратный, из сваренных в незатейливый узор арматурных прутьев, некогда выкрашенных в неброский черный цвет, а ныне облезлых, пятнистых от проступившей сквозь облупившуюся краску ржавчины. Внутренний забор был поставлен вплотную к внешнему, который, судя по всему, с некоторых пор перестал устраивать хозяина ввиду своей излишней прозрачности.

«Параноя, – глядя на этот забор, подумал Свинцов. – Точно, это вот и есть берлога нашего клиента».

Ему подумалось, что клиент, который проживает за этим кое-как сколоченным из разобранных тарных ящичков забором, даже если и виноват в убийстве пяти человек, ни за что не сядет в тюрьму. Его ждет психушка; с таким диагнозом, какой занесен в его историю болезни, ни один суд не признает парня ответственным за свои действия. Интересно все-таки получается: на то, чтоб стрелять в людей из снайперской винтовки, у него ума хватает, а на то, чтоб нести за свои поступки предусмотренную законом ответственность, – нет, кишка тонка. Хорошо устроился!

А с другой стороны, что с него возьмешь? Восемь лет в Афгане, восемь ранений, тяжелейшая контузия – ну, куда его, такого, в тюрьму? Он свой ад уже прошел – так сказать, авансом. И какая разница, где он будет догнивать – на зоне или в психушке? Главное, что стараниями старшего оперуполномоченного Свинцова социально опасный тип будет изолирован, а высокое начальство, глядишь, наконец-то спохватится, что прямо у него под носом пропадает, оказывается, отличный специалист, грамотный, инициативный работник...

Подчиняясь повелительному взгляду майора, один из оперативников выбрался из машины и, приблизившись к калитке, громко в нее постучал.

– Хозяева! – едва не на весь поселок заголосил он. – Есть кто дома?

Подождав ответа, он толкнул калитку, которая, как и ожидал Свинцов, оказалась запертой, повозился с мудреной щеколдой, открыл калитку и осторожно просунул вовнутрь голову.

– Люди, ау! – послышался оттуда его голос. – Как к речке проехать, не подскажите?

Если водителю ответила ласточка (или стриж, кто их там разберет), то на голос оперуполномоченного Зайцева откликнулась, несомненно, сорока. Ее стрекотание, похожее на частую дробь скорострельного пулемета, послышалось из кроны старого дуба, что рос на довольно крутом склоне, отделявшем участок Твердохлебова от поросшего высокой некошеной травой заливного луга. С верхушки липы, не уступавшей дубу ни высотой, ни пышностью кроны, ото-

звалась другая сорока, и это было все. Оперативник потоптался на месте, совершая сложные и довольно потешные, если не принимать во внимание серьезность момента, эволюции оттопыренным задом, и наконец протиснулся в калитку целиком. Оружие он так и не вынул, и Свинцов мысленно отдал должное самообладанию своего подчиненного. Его собственный пистолет уже давно был у него в руке; пластмассовая рукоятка сделалась скользкой от пота, указательный палец нервно теребил спусковой крючок, а большой не менее нервно оглаживал рубчатый флажок предохранителя, готовый при первых признаках опасности сдвинуть его вниз.

Спохватившись, Свинцов завертел ручку стеклоподъемника, открывая окно, а потом, словно этого было мало, приотворил дверцу. В салоне «Волги» – еще далеко не старой, довольно комфортабельной, построенной с учетом прежних ошибок, а также новейших (доступных по цене) достижений науки и техники, – так отчаянно воняло дешевым бензином, словно это была не современная «тридцать один – десять», а древняя «двадцать четвертая», если вообще не «двадцать первая». Налетевший со стороны реки порыв теплого ветра принес запахи разогретых солнцем спелых трав и речной тины; захотелось раздеться – ну, хотя бы до пояса – и, плюнув на все, подставить голую бледную спину живительному летнему ультрафиолету.

Сквозь открытую калитку был виден только кусок клумбы перед парадным крыльцом дачи. Земля на клумбе была желтовато-серая – типичный лесной подзол, – и торчавшие из нее сине-фиолетовые цветы с мясистыми стеблями, названия которых Свинцов не знал, на этом мертвленном фоне казались неестественно яркими, будто искусственные. Майор отметил про себя, что на клумбе нет не то что лебеды, но даже мельчайшего росточка вездесущего пырея. Он подумал, что многим умалишенным, особенно параноикам, свойствен педантизм в самых неожиданных мелочах; потом он вспомнил, что у Твердохлебова не так давно умерла жена, и преисполнился уверенности, что отставной майор старательно ухаживает за клумбой в память о ней. Это выглядело глупо и вместе с тем трогательно; отбросив совершенно неуместные сантименты, Свинцов сосредоточился на доносившихся со двора звуках.

Звуки были самые обыкновенные: хруст шагов по посыпанной гравием дорожке, скрип разошедшихся деревянных ступенек и спустя минуту громкий, отчетливый стук в дверь.

Свинцов невольно сжался в ожидании выстрела. Все-таки псих, да притом еще и «афганец», вооруженный винтовкой Драгунова, – это вам не шутки. Вот как пальнет сейчас через дверь, а потом поднимется в мансарду и – прямой наводкой по машине... А? Тогда что?

Оперативник постучал снова, еще раз повторил насчет дороги к речке, а потом, потеряв терпение, заголосил, барабана в дверь чем-то твердым – не иначе, рукояткой пистолета:

– Откройте, милиция!

Вскоре под его ногами опять зазакрипели ступеньки, захрустел гравий дорожки, и в проеме открытой калитки показалась физиономия, выражение которой красноречиво свидетельствовало о том, что ее хозяин целиком и полностью удовлетворен ходом событий. В самом деле, ему-то что? Пулю не поймал, и слава богу. А куда подевался хозяин дачи и что в связи с этим предпринять, пускай начальство думает – ему за это деньги платят...

– Похоже, нет никого, товарищ майор, – доложил оперативник.

– Может, в сортире сидит? – предположил водитель, который, как подавляющее большинство профессиональных водителей, считал себя умнее всех на свете.

Свинцов, точно знавший, что если в сортире кто-нибудь и сидит, так разве что один из бойцов Назмутдинова, в ответ лишь сердито дернул щекой и полез из машины.

Вопреки его ожиданиям – а может быть, напротив, в полном согласии с ними, – двор и огород на участке Твердохлебова оказались аккуратны и где-то даже любовно ухоженными. Земля здесь была скудная, тощая – почти что голый песок, – но зеленый лук, укроп и прочая зелень из нее так и перли. Аккуратнейшим образом подвязанные томаты стояли ровными рядами, как солдаты роты почетного караула, и среди темно-зеленой листвы уже там и сям про-

глядывали белесоватые шарики наливающихся плодов. Яблони, груши и прочие плодоносящие деревья были мастерски, с большим искусством обрезаны и побелены настолько единообразно, что в голову сама собой приходила мысль: а не пользовался ли Твердохлебов, помимо кисточки и ведра с известкой, еще и плотницким метром? Темная, сочная картофельная ботва вытянулась ровными рядами, как выстроенный для прохождения торжественным маршем батальон; вообще, порядок в огороде царил армейский – в лучшем смысле этого слова.

Зато дом, когда-то красивый, украшенный резными наличниками с петухами и прочими финтифлюшками, заметно обветшал. Светлые сосновые доски, которыми он был обшит, облезли и потемнели; там, где их больше всего доставали дождь и ветер, они стали почти черными. Крыльцо опасно покосилось, но оконные стекла были отмыты до полной прозрачности, а на посыпанной гравием дорожке не было видно ни травы, ни сора. На крыльце ровным рядком стояла обувь – выдавшие виды резиновые сапоги с заплатой на правом голенище, старые, разбитые, носившие на себе явные следы многочисленных ремонтов белые кроссовки «Адидас» и растоптанные, но аккуратно вычищенные армейские бутсы. Вылинявший почти добела веревочный половичок под дверью был потертым, но чистым, и было решительно непонятно, является весь этот порядок следствием свойственного параноикам педантизма в мелочах или въевшейся в плоть и кровь армейской дисциплины.

Справа, под ветхим навесом, виднелся какой-то накрытый брезентом продолговатый предмет весьма знакомых очертаний. Свинцов кивнул в ту сторону подбородком; один из оперативников, подойдя, жестом фокусника сдернул линялый брезентовый чехол, и взорам присутствующих предстала красная «Ява-350» с тронутыми ржавчиной никелированными крыльями и накладками на бензобаке. Номер – черные цифры и буквы на белом фоне – был тот самый, что врезался в память Свинцову, казалось, на всю оставшуюся жизнь.

– Опаньки, – сказал один из оперативников. – Прямо новогодний стол заказов. Товарищ майор, а может, это какая-то подставка? Ведь так просто не бывает! Съездил на мотоцикле на дело, вернулся домой и поставил драндулет на место... Осталось только винтовку под кроватью найти!

– Поживем – увидим, – недовольно проворчал Свинцов, которому все это тоже не очень-то нравилось. В конце концов, даже последний псих мог бы, кажется, сообразить, что оставлять такую улику посреди двора ни к черту не годится. Того и гляди, окажется, что в день, когда было совершено преступление, Твердохлебов пьянствовал в теплой компании друзей, которые в один голос подтвердят его алиби... – Наза, ты где?

Из кустов сирени под забором с треском выбрался похожий на пятнистого серо-черного медведя капитан Назмутдинов.

– Упорхнула птичка? – спросил он.

Назмутдинов прожил в Москве без малого двадцать лет, но до сих пор не избавился от акцента, который с первых слов выдавал в нем уроженца солнечного Татарстана. Вместо «сделал» он говорил «сделиль», вместо «цапля» – «цапл»; над ним посмеивались, но исключительно за глаза, поскольку Наза был вспыльчив и управлялся с кулаками куда более ловко, чем с языком.

– Посмотрим, – угрюмо буркнул Свинцов. – Давай, дорогой, работой захват.

Назмутдинов с подчеркнутым сомнением покосился на хлипкую дверь дачного домика.

– Без ордера? – сказал он. – Без санкции? Скажи, Саня, ты хорошо подумал?

– Я карашё падумаль, – не отказав себе в удовольствии передразнить капитана, неприязненно сообщил Свинцов. – Ты омоновец или прокурор? Санкцию ему подавай... Преступник вооружен и очень опасен – этого тебе мало?

Как и ожидал майор, Наза не осмелился с ним спорить. Еще больше помрачнев, он махнул рукой в сторону двери. Сейчас же, будто из-под земли, у крыльца появился здоровенный, больше Назмутдинова, сержант. Примерившись, он ударил по двери в районе замка подошвой

своего высокого ботинка, и та распахнулась с треском и грохотом, уронив на веревочный полочок длинную, острую белую щепку. Выставив перед собой автомат, сержант нырнул в полутемные сени (или веранду, или прихожую – у этих дачников никогда не разберешь, где сортир, где кладовка, где сарай для инструментов, а где спальня). С обратной стороны дома послышался звон стекла – подчиненные капитана Назмутдинова в полном соответствии с наукой штурмовали дом со всех сторон одновременно, не оставляя подозреваемому никаких шансов.

На протяжении какого-то времени в доме осторожно скрипели половицами и стучали распахиваемыми дверями. Затем на крыльце показался давешний сержант. Куцый милицкий автомат он держал под мышкой, трикотажная маска была небрежно сдвинута на лоб.

– Чисто, – сообщил он, ни к кому конкретно не обращаясь, и длинно сплюнул в клумбу. – Успел свалить, падло.

Назмутдинов что-то пробормотал в микрофон рации, и спустя минуту к крыльцу подкатил и остановился, едва не упираясь бампером в багажник «Волги», микроавтобус, на котором приехали омоновцы.

– Грузимся? – спросил капитан у Свинцова.

На его широком и плоском лице с узкими щелочками раскосых восточных глаз читалось неприкрытое облегчение. Дело вышло пустяковое, без стрельбы, мордобоя и далеко идущих последствий. Ну, вломились без ордера в дом, так поди докажи, что это были они, а не какие-нибудь бомжи, вечно шарящие по дачам в поисках поживы!

Свинцов мысленно пожал плечами. Что ж, на нет и суда нет. Это была просто еще одна мелкая неудача в длинном ряду неудач, которые преследовали его всю жизнь. Конечно, глупо было надеяться, что преступник, так явно засветившись со своим приметным, чуть ли не антикварным мотоциклом, станет сидеть дома и ждать, когда за ним придут. Он давным-давно скрылся в неизвестном направлении, а может быть, его постигла та же участь, что и других исполнителей: сделал дело – получи пулю в затылок и не чирикай. Похоже, таинственный заказчик был не дурак. Ох не дурак! Напел чего-то в уши больному человеку, у которого к тому же имелись старые счета с охраной «Бубнового валета», подписал инвалида на мокрое дело, а когда нужда в нем отпала, просто шлепнул без лишних разговоров. Отсюда и та легкость, с которой Свинцову удалось выйти на Твердохлебова. Ведь что он, в сущности, нашел? Пустую дачу и старый мотоцикл, от которого, сколько его ни пытай, свидетельских показаний все равно не добьешься...

Оставалось только порадоваться тому обстоятельству, что отныне все это не его, майора Свинцова, забота. Дело у него отобрали, и, по счастью, произошло это как раз в тот момент, когда расследование действительно зашло в глухой тупик. Единственная зацепка – мотоциклист на красной «Яве» – приказала долго жить, и, обдумав это, майор ощутил растущее злорадство, которое очень быстро пересилило разочарование охотника, упустившего дичь.

– Чего ты торопишься, как голый под одеяло? – сказал он Назмутдинову. – Раз уж пришли, давай хотя бы осмотримся...

Он вошел в дом. Помещение, куда вела входная дверь, совмещало, по всей видимости, функции кухни и прихожей. Здесь было довольно уютно и очень чисто; чувствовалось, что порядок, наведенный некогда женской рукой, старательно поддерживается по сей день. Сюда выходила аккуратно оштукатуренная и выбеленная русская печь с окрашенными алюминиевой краской дверцами. Свинцов зачем-то приложил к ней ладонь и вздрогнул от неожиданности: плита была еще теплая. Впрочем, ничего особенного это не означало: грамотно сложенная русская печь способна удерживать тепло по нескольку суток, тем более что на улице лето. Никаких кастрюль, по состоянию содержимого которых можно было бы определить, как давно хозяин покинул дом, на плите не обнаружилось; продукты, хранившиеся в полупустом древнем холодильнике, также не рассказали майору ничего интересного.

Открыв одну из выходящих в кухню дверей, он обнаружил тесную кладовку, устроенную под лестницей, что вела на второй этаж. Здесь ему первым делом бросился в глаза линялый брезентовый чехол для удочек, стоявший прямо у двери, на самом видном месте. С сильно бьющимся сердцем майор заглянул вовнутрь и разочарованно плюнул: в чехле была бамбуковая трехколенка.

Комнат было две, и в обеих царил тот же, что и на кухне, однажды наведенный и с тех пор неукоснительно поддерживаемый порядок. На полу ни соринки, на скатертях и покрывалах ни морщинки, чистые занавески на отмытых до скрипа окнах висят аккуратно, как на картинке, и даже книги на полках расставлены по ранжиру. Свинцов пробежался глазами по книжным корешкам. Тут были справочники и пособия по садоводству и огородничеству, а также основательно зачитанная «Энциклопедия молодого хозяина», свидетельствующая о том, что бывшему командиру десантно-штурмового батальона пришлось учиться самым простым и обыкновенным вещам буквально с азов. Да и то сказать, тому, кто всю свою сознательную жизнь учился только ломать – двери, стены, кирпичи и чужие кости, – нелегко освоиться на гражданке, где ломать доводится лишь изредка, а чаще все-таки приходится строить...

Истрепанные до полной ветхости библиотечные боевики в пестрых обложках были тут как тут, занимая целую полку. Судя по пометкам на форзаце, выданы они были около полутора недель назад, что, в сущности, ни о чем особенном не говорило. Поставив обратно на полку пухлый, расползающийся в руках томик, майор без особой необходимости поднялся на второй этаж и полюбовался видом на реку. Вид и впрямь был недурен, хотя его основательно заслоняли кроны росших на спускавшемся к заливному луку откосе деревьев. Над самым откосом виднелась небольшая банька, а правее, как водится, торчало слегка покосившееся дощатое строение, архитектура которого сильно напоминала скворечник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.